

I

Известно ли вам, что значит быть бедным? Не кичиться бедностью, подобно тому, кто имеет свои пять-шесть тысяч годового дохода, и все же клянется, что едва сводит концы с концами, но быть действительно бедным — всецело, мучительно, безобразно бедным позорной, убогой, ничтожной бедностью? Бедностью, что вынуждает носить одно и то же платье, покуда оно совершенно не изнашивается — той, что лишает вас свежего белья, когда услуги прачки непомерно дороги, что лишает вас самоуважения, заставляя стыдливо красться вдоль улиц, когда бы вы могли гордо шагать по ним в кругу друзей — я говорю о бедности такого рода. Это сокрушительное проклятие, погребаящее благородные стремления под тяжестью низменных забот; это нравственная язва, прободающая сердце благонамеренного человеческого существа, делая его завистливым и злонравным, рождая в нем желание взяться за динамит. Когда он видит жирную, праздную светскую даму, что проезжает мимо в своем роскошном экипаже, лениво развалившись на сиденье, видит ее лицо, испещренное багрово-красными пятнами, следами непомерного обжорства, — когда наблюдает, как безмозглый, утонченный модник курит и предается безделью в парке, как если бы весь мир с его миллионами честных тружеников были созданы лишь для беспечных развлечений так называемого «высшего общества» — вся его благая кровь обращается желчью,

и страдающий дух восстает с мятежным воплем: «Почему же, во имя всего святого, все так несправедливо? Почему карманы никчемного бездельника полны золота лишь благодаря случаю и праву наследования, а я, трудящийся в поте лица от зари до полуночи, едва могу наскрести на сытный обед?»

И в самом деле, почему? Почему грешники цветут, подобно благородному лавру? Я часто размышлял над этим. Однако теперь я думаю, что способен ответить на этот вопрос, основываясь на собственном опыте. И каком опыте! Кто мне поверит? Кто поверит, что столь необычная и умопомрачающая доля выпала простому смертному? Никто. И все же это правда — и более правдиво, чем многое из того, что зовется истинным. Более того, мне известно, что многие испытывают злоключения, подобные моим, подпав под то же самое влияние, возможно, иногда в их сознании мелькает мысль о том, что они погрязли во грехе, но воля их слишком слаба, чтобы разорвать ту сеть, в которую они попались добровольно. Усвоят ли они урок, преподанный мне? Пройдут ли столь же горестную школу под оком столь же грозного надзирателя? Смогут ли постичь, как я, неволей — всеми фибрами моего умственного восприятия — необъятный, неделимый, деятельный Разум, что трудится беспрестанно, хоть и безмолвно, бесконечного во времени, безусловно существующего Бога? Если случится так, тьма их сомнений рассеется, и вся мнимая мирская несправедливость обернется чистой воды беспристрастностью. Но пишу я без надежды в чем-либо убедить или просветить своих современников. Мне слишком хорошо известно, сколь они строптивы — судить об этом я могу по себе. В том, как горделиво я когда-то верил в себя, меня не превзошел ни один из людей на всем земном шаре. И я отдаю себе отчет в том, что остальные находятся в схожем положении. Я всего лишь желаю изложить здесь события своего жизненного пути в том порядке, в котором

они сменяли друг друга, предоставив более смелым умам рассуждать о загадках человеческого существования сообразно их силам.

Стояла жестокая зима, которую еще долго будут вспоминать как одну из самых суровых в этих широтах, когда великая волна холодов захлестнула не только славный британский архипелаг, но и всю Европу, а я, Джеффри Темпест, один во всем Лондоне умирал от голода. В наши дни голодный человек редко у кого вызывает заслуженное сострадание — столь редки те, что могут в него поверить. Достойные люди, те, что только что наелись до отвала, больше всех прочих проявляют недоверие, а кое у кого из них рассказы о том, что где-то голодают люди и вовсе вызывают улыбку, словно являются обыденными послеобеденными анекдотами. Или, с раздражающей рассеянностью, столь характерной для великосветской публики, что, задавая вопрос, не дожидается, пока на него ответят, или не понимает услышанного, для сытно отобедавших, которые, услышав, что кто-то умирает от голода, лениво бормочут: «Какой ужас!», и возвращаются к обсуждению последних веяний моды, чтобы убить время, иначе время убьет их абсолютной скукой. Сам факт того, что кто-то голоден, звучит грубо, плебейски, и о нем не упоминают в приличном обществе, где каждый всегда ест больше, чем ему требуется. Однако в те дни, о которых я говорю, мне, с некоторых пор ставшему объектом всеобщей зависти, слишком хорошо был ясен жестокий смысл слова «голод» — грызущая боль, тошнотворная слабость, безжизненное оцепенение, неутолимая животная потребность в одной лишь пище; все эти чувства в достаточной мере страшат тех, кто по несчастью испытывает их каждый день, но если они причиняют страдания тем, кто вскормлен в неге и воспитан в манере, присущей джентльмену — Боже упаси! — их боль куда сильнее. Я чувствовал, что не заслуживал тех несчастий, что на меня обрушились. Я трудился, не жа-

лея сил. С тех пор, как умер мой отец и я обнаружил, что все состояние, которое, как я полагал, унаследую от него, до последнего пенни достанется сонмищу кредиторов, и от всего нашего дома и имения мне останется лишь украшенный камнями миниатюрный портрет матери, отдавшей свою жизнь, чтобы я появился на свет, — с тех самых пор я работал не покладая рук, от зари до заката. В своем университетском образовании я избрал единственную стезю, для которой, как мне казалось, я был пригоден — литературную. Я пытался устроиться почти в каждое лондонское издание — многие мне отказали, иные дали испытательный срок, но ни одно не платило на постоянной основе. Каждый, кто стремится превратить свой мозг и свое перо в источники постоянного дохода, в начале пути удостоивается участи изгоя. Он никому не нужен; его все презирают. Над его потугами потешаются, рукописи швыряют ему в лицо, не читая их, и он вызывает у всех столько же интереса, сколько убийца, сидящий в камере смертников. Убийца хотя бы накормлен и одет — его навещает достойный священник, и даже тюремщик иногда снисходит до того, чтобы перекинуться с ним в карты. Но человек, наделенный даром мыслить оригинально и выражать эти мысли, для всех облеченных властью куда хуже самого отпетого негодяя, и все чинуши едины в своем стремлении растоптать его при любой возможности. В мрачном молчании я сносил пинки с тычками и продолжал жить дальше — не из любви к жизни, но лишь потому, что презирал трусливое насилие над самим собой. Я был достаточно молод и не так легко расставался с надеждой — призрачной надеждой на то, что придет и моя очередь — быть может, вечно вращающееся колесо фортуны вознесет меня наверх так же, как перемалывает сейчас, едва способного влачить свое жалкое существование — хотя дни мои сменяли друг друга, ничего не менялось. Почти шесть месяцев я работал в должности рецензента в одном известном ли-

тературно-художественном журнале. Мне присылали по тридцать романов в неделю для «критики» — я взял привычку наскоро пролистывать восемь или десять из них, писать разгромный обзор на эти случайно выбранные романы, а оставшиеся вообще не удостоивал вниманием. Я обнаружил, что подобный образ действий считался разумным, и какое-то время редактор, щедро плативший мне по пятнадцать шиллингов в неделю, был мною доволен. Но меня сгубил единственный случай, когда, пойдя против собственных правил, я тепло отозвался об одном произведении, сообразно совести сочтя его оригинальным и превосходно написанным. Его автор оказался заклятым врагом владельца журнала, и, к несчастью для меня, мой хвалебный отзыв опубликовали; так взаимная вражда пересилила правый суд, и я был незамедлительно уволен.

После этого я влачил довольно жалкое существование; мне перепадала кое-какая халтура из ежедневных газет, меня кормили обещаниями, которые никто не собирался сдерживать, пока той самой зимой, в январе, я не остался без единого пенни, на пороге голодной смерти, к тому же задолжав месячную оплату за убогую квартиру в переулке недалеко от Британского музея. Весь день я устало таскался из газеты в газету в поисках работы, и везде меня ждал отказ. Все возможные должности были заняты. Также я безуспешно пытался пристроить собственную рукопись — художественный роман, по моему мнению, вполне достойный; но все рецензенты в издательствах сочли его никуда не годным. Как я узнал позже, все эти «рецензенты» по большей части сами являлись романистами; в свободное время они читали чужие произведения и оценивали их. Подобное положение дел казалось мне несправедливым; я всегда полагал, что оно благоприятствует посредственности, подавляя ростки оригинальности. Здравый смысл подсказывает, что писатель-рецензент, занимающий определенное место

в литературной среде, скорее станет продвигать авторов-однодневок, нежели тех, что способны потеснить его на этом поприще. Как бы то ни было и сколь порочна ни была сложившаяся система, суждение обо мне и моем литературном детище было крайне предвзятым. Последний из посещенных мною издателей оказался человеком вполне добродушным и не без некоторого сочувствия окинул взглядом мое истрепанное платье и худое лицо.

— Мне жаль, — сказал он, — мне очень жаль, но рецензенты мои высказались единодушно. Из того, что я от них слышал, я заключаю, что вы слишком серьезны. Кроме того, позволили себе несколько саркастических выпадов в сторону общественности. Любезный государь, так не пойдет. Никогда не вините общество — оно покупает книги! Вот если бы вы написали остроумный любовный роман, с *пикантными* нотками, и даже куда более *пикантный*, чем дозволено, то угодили бы вкусу современной публики.

— Прошу прощения, — несколько вяло возразил я, — но уверены ли вы в том, что хорошо разбираетесь во вкусах современной публики?

Он улыбнулся мне снисходительной, довольной улыбкой, без сомнения считая, что подобный вопрос я задал исключительно благодаря собственному невежеству.

— Разумеется, я в этом уверен, — ответил он. — В мои обязанности входит знать о потребностях публики так же хорошо, как о содержимом своих карманов. Поймите меня — я не предлагаю вам писать о чем-то совершенно непристойном, оставим это эмансипированным женщинам, — тут он засмеялся — но могу заверить вас в том, что высоkokлассная художественная проза плохо продается. Прежде всего ее не любят критики. Но и критикам, и общественности придется по вкусу чувственный реалистический роман, написанный лаконичным газетным языком. Литературный, аддисоновский язык — это ошибка.

— Значит, по-вашему, я и сам — ошибка, — проговорил я, натянуто улыбаясь. — В любом случае, если вы действительно говорите правду, мне стоит отложить перо и попробовать свои силы в ином ремесле. Я достаточно старомоден, чтобы считать профессию литератора достойнейшей из возможных, и мне не по пути с теми, кто сознательно способствует ее разложению.

Он бросил на меня косой взгляд, в котором мелькнули недоверие и пренебрежение.

— Так-так! — воскликнул он. — Вижу, есть в вас нечто донкихотское. Ничего, это пройдет. Не желаете ли отужинать сегодня в моем клубе?

На его предложение я, нимало не раздумывая, ответил отказом. Я видел, что ему известно, в каком бедственном положении я нахожусь, и моя гордость — или тщеславие, если угодно — поспешно пришли на выручку. Я торопливо пожелал ему всего хорошего и ретировался в свою квартиру, прихватив отвергнутую рукопись. По прибытии, едва я ступил на лестницу, мне встретилась хозяйка, спросившая, «не соблаговолю ли я уладить дела» на следующий день. Бедняжка обратилась ко мне учтиво, и не без некоторой сочувственной робости. Столь явное проявление жалости с ее стороны наполнило мою душу желчью так же, как предложение издателя накормить меня ужином уязвило мою гордость — и с совершенно нахальной уверенностью я немедленно пообещал принести ей деньги в удобное для нее время, хоть и не имел ни малейшего представления о том, где и как раздобуду требуемую сумму. Расставшись с ней, я закрылся у себя в комнате, швырнув бесполезную рукопись на пол, бросился в кресло и крепко выругался. Ругань придала мне бодрости, и это казалось мне естественным — хотя от недоения я порядком ослаб, но все же не настолько, чтобы лить слезы — и бранные слова приносили мне такое же облегчение, какое, я полагаю, испытывает взволнованная женщина, разражаясь плачем. Сраженный отчаяни-

ем, я не мог ни плакать, ни взывать к Богу. Откровенно говоря, в бога я вовсе не верил — *тогда* не верил. Я был самодостаточным смертным, презиравшим дряхлые суеверия так называемой религии. Разумеется, воспитан я был в духе христианства, но в моих глазах вера утратила всяческую пользу, стоило мне осознать абсолютную неэффективность христианских священников в решении насущных жизненных вопросов. Душа моя без руля и ветрил неслась среди хаоса, разум тяготил груз мыслей и честолюбия, а тело бедствовало. Положение мое было отчаянным — и сам я пребывал в отчаянии. Если благие и падшие ангелы играли в кости и победившему доставалась человеческая душа, то в этот самый миг кто-то из них делал решающий бросок ради моей собственной. И все-таки, несмотря на все это, я чувствовал, что сделал все, что было в моих силах. Меня загнали в угол мои современники, теснили, не давая жить, но я боролся, как только мог. Я трудился честно, терпеливо — и бесцельно. Я знал негодяев, что получали кучу денег, и жуликов, что сколотили целое состояние. Они благоденствовали, и это, по-видимому, служило доказательством того, что честность все же *не* являлась лучшей политикой. Что же мне оставалось делать? Как мог я ступить на путь иезуита, злодействуя ради собственной выгоды? Такие отрешенные мысли мелькали в моей голове, если только эту отупелую блажь можно было назвать мыслями.

Ночь была невероятно холодной. Мои руки совсем онемели, и я пытался согреть их при помощи масляной лампы, которой хозяйка все еще разрешала пользоваться, несмотря на долги. Тут я заметил три письма на столе — одно в длинном синем конверте, видимо, повестка в суд или уведомление о возврате моей рукописи; на другом была марка Мельбурнского почтамта; третий конверт был плотным, квадратным, с красно-золотой короной на обороте. Я равнодушно перевернул их, выбрав то, что пришло из Австралии, и взвесил его на ладони,

прежде чем открыть. Я знал, от кого оно, и рассеянно думал о том, какие вести в нем заключались. Несколько месяцев назад я подробно рассказал о своих трудностях и растущих долгах старому приятелю из колледжа, что счел маленькую Англию недостойной своих амбиций, и отплыл навстречу огромному новому миру, намереваясь заняться золотодобычей. Дела у него, как я понял, шли хорошо, а положение его было весьма прочным, и я отважился прямо попросить у него пятьдесят фунтов займа. Без сомнений, передо мной был его ответ, и я помедлил, прежде чем вскрыть печать.

— Конечно, меня ждет отказ, — проговорил я вполголоса. — Каким бы добрым ни был друг, если просить у него денег, он вскоре очерствеет. Он рассыплется в сожалениях, скажет, что дела идут скверно и времена нынче дурные, в надежде, что я вскоре найду выход сам. Я уже слышал подобное. В конечном счете, стоит ли мне надеяться на то, что он отличается от всех прочих? Ведь нас ничего не связывает, кроме дружеских дней, проведенных в стенах Оксфорда.

С этими словами у меня вырвался невольный вздох, и на мгновение туман застил мои глаза. Я снова увидел башни безмятежного колледжа Модлин, тени благородных зеленых деревьев на дорожках университетского городка, где мы — я и человек, чье письмо я сжимал в руке, — прогуливались в дни беззаботной юности и мечтали о том, что нам, двум гениям, суждено возродить духовность этого мира. Мы любили классиков — нас переполняли строки Гомера, мысли и максимы бессмертных греков и латинян, и я искренне считаю, что в те дни мечтаний мы думали, что и в самих нас есть что-то от героев. Но вскоре мы оказались на арене общества, лишившей нас возвышенных надежд — мы были всего лишь обыкновенными деталями механизма, и ничем иным — однообразная работа и проза повседневной жизни оттеснили Гомера на задний план, и вскоре мы

обнаружили, что общество куда больше интересовалось очередным пошлым скандалом, а не трагедиями Софокла или мудростью Платона. Что ж! несомненно, наши мечты о том, что с нашей помощью возможно преобразовать мир, где потерпели поражение Платон и Христос, были глупыми, однако самый закоренелый циник не станет отрицать, что приятно оглянуться на дни минувшей молодости и вспомнить, что хотя бы тогда, возможно в последний раз в жизни, он был полон благородных побуждений.

Лампа горела все хуже, и мне пришлось подровнять фитиль перед тем, как снова приняться за чтение. В соседней комнате кто-то играл на скрипке, и играл хорошо. Смычок извлекал ноты нежно, и в то же время с некоторой живостью, и я слушал, испытывая смутное удовольствие. От голода я так ослаб, что был почти безразличен ко всему вокруг, балансируя на грани оцепенения, и пронзительная сладость музыки, вызывающей к чувственной и эстетической сторонам моей натуры, на миг пересилила животный инстинкт.

— Вот так! — пробормотал я, обращаясь к незримо-му музыканту. — Ты упражняешься, пиликаешь на своей скрипке, и за это, несомненно, получаешь жалкие гроши, на которые едва можно протянуть. Быть может, ты, бедняга, играешь в каком-то дешевом оркестрике, а может, даже на улицах, и голодаешь здесь, в квартале, где живет *элита*, не смея надеяться, что обретишь популярность и склонишь колено перед его величеством — а если у тебя и была такая надежда, она безнадежно утрачена. Играй, мой друг, играй! Твоя музыка приятна слуху и кажется, ты счастлив. Правда ли это? Или ты, как и я, стремительно катишься на дно?

Скрипка звучала тише, прежняя мелодия сменилась печальной, и ей вторили градины, бившиеся в ставни. Порывистый ветер свистел под дверью, завывал в дымоходе — холодный, будто касание смерти, настойчивый,

как нож, пронзающий плоть. Я задрожал, склонился над чадившей лампой, приготовившись узнать, что за новости пришли из Австралии. Едва я открыл конверт, на стол упал вексель на пятьдесят фунтов, которые я мог получить в одном известном лондонском банке. Сердце мое встрепенулось от облегчения и благодарности.

— Джек, старина, как я ошибся в тебе! — воскликнул я. — Выходит, сердце у тебя доброе.

И я, глубоко тронутый тем, с какой легкостью мой друг проявил щедрость, жадно принялся за чтение. Письмо было недлинным; очевидно, писалось оно в спешке.

«Дорогой Джефф!

Мне жаль слышать, что ты в столь тяжелом положении; это напрямую говорит о том, какого сорта дурни по-прежнему преуспевают в Лондоне, пока такой способный человек, как ты, тщетно пытается найти себе место в литературном мире и добиться признания. Думаю, что все дело тут в связях, а деньги — единственное, что влияет на ход любого дела. Вот пятьдесят фунтов, о которых ты просил, пожалуйста, — и не спеши мне их возвращать. В этом году я окажу тебе еще одну услугу, и пошлю к тебе друга — настоящего друга, без обмана! С собой у него будет рекомендательное письмо от меня, и между нами говоря, старина, для тебя нет ничего лучше, чем препоручить ему себя и свои литературные дела. Он знает всех, всю хитрость издательского дела, всю шайку газетчиков. Кроме того, он ярый филантроп, и особенно приятно ему общество духовенства. Ты скажешь, что это довольно странная склонность, но он откровенно признался мне, что причина столь причудливой симпатии кроется в его несметном богатстве: он попросту не представляет, что делать со всеми своими деньгами, а достопочтенное духовенство всегда готово подсказать ему, как ими распорядиться. Ему доставляет удовольствие сознавать, что в какой-либо части света его деньги и влияние (а он весьма влияте-

лен) приносят кому-либо пользу. Он помог мне выпутаться из весьма затруднительного положения, и я очень многим ему обязан. Я рассказал ему о тебе все — что ты умен, что тебя высоко ценили в нашей старой доброй альма-матер, и он пообещал, что окажет тебе услугу. Он волен делать все, что ему заблагорассудится; вполне закономерно, учитывая, что все моральные устои, вся цивилизация и все прочее подвластны силе денег — а его средства кажутся неисчерпаемыми. Воспользуйся его услугами, так как он охотно готов предоставить их, а затем напиши мне и дай знать, как у тебя дела. Не беспокойся о пятидесяти фунтах, пока не почувствуешь, что постигшие тебя невзгоды остались позади.

Преданный тебе Боффлз».

Я рассмеялся, увидев нелепую подпись, хотя в глазах моих, кажется, стояли слезы. «Боффлз» — так окрестили моего друга товарищи по колледжу, и ни я, ни он не помнили, откуда пошло это прозвище. Никто, кроме преподавателей, не называл его Джоном Кэррингтоном — для всех он был просто Боффлз, и даже сейчас все его близкие друзья звали его только так. Я распрямился, отложив его письмо и вексель на пятьдесят фунтов, сиюминутно, вскользь подумав о том, что представлял собой этот «филантроп», не представлявший, как можно распорядиться собственными деньгами, и обратил внимание на два оставшихся письма, успокоенный мыслью о том, что завтра смогу выплатить долг хозяйке, как и обещал. Кроме того, я мог заказать себе ужин и разжечь огонь в камине, чтобы оживить свою холодную комнату. Однако перед тем как удовлетворить свои насущные потребности, я вскрыл длинный синий конверт, возможно, грозивший мне судебным разбирательством, и, развернув сложенный лист бумаги, изумленно уставился на него. Что все это значило? Буквы плясали перед глазами — озадаченный, растерянный, я перечитывал строчки снова и сно-

ва, не понимая их смысла. И вдруг, словно пораженный молнией, я вмиг осознал, что они значат... нет, нет, невозможно! Разве может фортуна быть столь безумной? Что за дикий каприз, что за чудовищная шутка? Наверняка это чей-то бездушный розыгрыш, и все же, даже если это так, следует признать, что все исполнено весьма искусно! И даже скреплено законной печатью! Честное слово, я готов был поклясться всеми фантастическими, невероятными сущностями, что правят человеческими судьбами, — вести доподлинно были благами!

II

Не без усилий приведя в порядок мысли, я не спеша перечитал каждое слово, отчего мое изумление лишь возросло. Сходил ли я с ума, или меня лихорадило? Разве могли эти ошеломительные, умопомрачительные сведения действительно быть правдой? Так как — если и впрямь это правда, милосердный боже! — от одной лишь мысли об этом кружилась голова, и лишь усилием воли я сумел удержаться на ногах, несмотря на столь внезапный, исступленный восторг. Если это было правдой — о, тогда весь мир был бы у моих ног! — из ничего я превратился бы в царя, я стал бы тем, кем только пожелаю! Письмо — чудесное письмо было заверено печатью известной лондонской юридической фирмы, и в нем скупое и четко говорилось, что живший в Южной Америке дальний родственник моего отца, о котором я в последний раз слышал еще будучи ребенком, внезапно скончался, и я был его единственным наследником.

«Недвижимость и прочее имущество оцениваются приблизительно в пять миллионов фунтов стерлингов, и мы будем признательны, если в любой удобный для вас день на этой неделе вы сможете посетить нас с тем, чтобы уладить все необходимые формальности. Большая

часть средств хранится в Банке Англии; кроме того, существенный капитал вложен в ценные государственные бумаги Франции. Остальные детали мы предпочли бы обсудить с вами лично, не в переписке. Надеемся, что вы незамедлительно с нами свяжетесь, ваши покорные слуги...»

Пять миллионов!.. Я, голодный литературный поденщик — без друзей, без надежд, отчаявшийся пристроиться в самую паршивую газетенку — обладатель более пяти миллионов фунтов стерлингов! Я попытался принять этот поразительный факт — очевидно, что это был факт — и не смог. Все это казалось мне диким наваждением, порождением смутного дурмана в моей голове, причиной которого был голод. Я устался на свою комнату: дрянное, жалкое убранство, погасший камин, замызанная лампа, низенькая кровать — свидетельство нужды и нищеты, куда ни глянь, и тогда разительный контраст между окружавшей меня бедностью и тем, что я только что узнал, потряс меня до основания, так как я никогда не слышал и не мог вообразить себе ничего более нелепого и абсурдного; вслед за тем я расхохотался.

— Что за каприз безумной фортуны! — вскричал я. — Разве можно представить подобное? Господи Боже! Чтобы мне, именно мне среди всех прочих улыбнулась удача? Ей-богу, не пройдет и нескольких месяцев, как все это общество волчком завертится на моей ладони!

И я снова захохотал во весь голос; так же громко, как незадолго до того изрыгал проклятия, не в силах справиться с нахлынувшими чувствами. И кто-то захохотал в ответ — казалось, что мне вторило эхо. Я осекся, вздрогнув от неожиданности, и прислушался. Снаружи лил дождь, и ветер визжал, словно сварливая карга; скрипач по соседству играл виртуозный пассаж; никаких иных звуков я не услышал. И все же я мог по-

клясться, что слышал чей-то утробный смех за своей спиной.

— Должно быть, мне это показалось, — пробормотал я, подкрутив фитиль так, чтобы в комнате стало светлее. — Наверное, я перенервничал — ничего удивительного! Бедняга Боффлз, мой старый добрый друг! — продолжал я говорить сам с собой, вспоминая посланные им пятьдесят фунтов, всего лишь несколько минут назад казавшиеся мне даром свыше. — Какой сюрприз ожидает тебя! Свои деньги ты получишь назад так же быстро, как их отправил, и я добавлю еще пятьдесят фунтов сверху за твою щедрость. Что же до того мецената, посланного тобой, чтобы помочь мне преодолеть мои невзгоды, может, этот джентльмен и вправду славный малый, но в этот раз он явно окажется не в своей тарелке. Я не нуждаюсь ни в помощи, ни в советах, ни в покровительстве — все это я могу купить! Титулы, почести, блага — купить можно все; любовь, дружба, положение — все продается в этот великолепный век коммерции и принадлежит тому, кто заявит самую высокую ставку! Клянусь своей душой! этому богатому филантропу придется постараться, если он захочет со мной соперничать! Уверен, что у него вряд ли найдется пять миллионов, чтобы пустить их на ветер! А теперь пора поужинать — прежде, чем я обзаведусь наличными, придется пожить в долг, но нет ни единой причины, по которой я не должен тотчас оставить эту убогую дыру и отправиться в один из лучших отелей, чтобы кутнуть на славу!

Подстегиваемый волнением и радостью, я готов был уже покинуть комнату, но свежий, яростный порыв ветра выбросил тучу сажи из каминной трубы, и та осела на моей позабытой рукописи, в отчаянии брошенной на пол. Я поспешно поднял ее, стряхнув зловонные хлопья, и подумал о том, что теперь будет с ней, когда я сам могу опубликовать ее, и не только опубликовать, но и сделать рекламу, продвинуть ее всеми возможными искусными,

ненавязчивыми способами, известными лишь узкому кругу посвященных. Я улыбнулся при мысли о том, как отомщу всем, кто издевался надо мной, пренебрегая моими трудами, — как задрожат они теперь! как будут ползать у моих ног, точно побитые псы, скуля и раболепствуя! Каждая упрямая, гордая голова склонится передо мной; так думал я тогда, ведь сила денег всепобеждающа, лишь когда ее направляет разум. Разум и деньги способны менять мир — без денег разум крайне редко справляется в одиночку, и об этом весомом и доказанном факте должны помнить те, у кого нет мозгов!

Полный честолюбивых мыслей, я то и дело слышал неистовую скрипку, звучавшую по соседству — ее болезненные рыдания тотчас сменялись заливистым, беззаботным смехом взбалмошной девицы; и тут я вспомнил, что так и не открыл третье письмо с красно-золотой короной, которое я с самого начала едва удостоил вниманием. Я поднял его, перевернул, и мои пальцы со странной неохотой разорвали плотный конверт. Достав столь же плотный небольшой лист бумаги с такой же короной, я прочел следующие строки, написанные удивительно четким, убористым, изящным почерком:

«Милостивый государь!

Я — податель рекомендательного письма от вашего товарища по колледжу, господина Джона Кэррингтона, ныне проживающего в Мельбурне, соблаговолившего предоставить мне возможность завести знакомство с тем, кто, согласно моему разумению, обладает исключительным литературным дарованием. Я навещу вас этим вечером между восемью и девятью часами, и рассчитываю, что вы окажетесь дома и не будете заняты. К письму я прилагаю свою визитную карточку, свой адрес, а также прошу меня дождаться.

С совершеннейшим почтением,

Лучо Риманез».

Упомянутая визитка упала на стол, едва я закончил чтение. На ней была та же искусная корона и подпись:

«Князь Лучо Риманез»,

а внизу карандашом приписан адрес: *«Гранд-Отель»*.

Я перечитал письмо — язык его был достаточно строгим, ясным и учтивым. В нем не было ничего примечательного — совершенно ничего, и все же мне казалось, что оно обременено неким скрытым смыслом. Не могу сказать, почему. Мое внимание странным образом приковывал характерный, отчетливый почерк, и я вообразил, что автор письма должен прийти мне по душе. Как бушевал ветер! и как завывала скрипка в соседней комнате, словно мятущийся дух позабытого музыканта под пыткой! Кружилась голова, щемило сердце, и капли дождя снаружи отдавались в ушах, словно шаги шпиона, что следил за каждым моим движением. Я ощущал раздражение, беспокойство — предчувствие зла застило яркие мысли о внезапно постигшей меня удаче. Вдруг я испытал острый приступ стыда — этот чужеземный князь, если, конечно, он на самом деле является таковым, собирался навестить меня — *меня*, в одночасье ставшего миллионером — в моем нынешнем презренном жилище. Я еще не успел коснуться своих богатств, но уже запятнал себя жалким, пошлым притворством, будто я никогда не был беден, и сейчас всего лишь смутился перед лицом небольших временных затруднений! Если бы у меня было хотя бы полшиллинга (а у меня его не было), я бы отправил нарочного к моему гостю с просьбой отложить визит.

— В любом случае, — вновь заговорил я, обращаясь к самому себе посреди пустой комнаты, где слышались отзвуки бушующей грозы, — я не стану принимать его сегодня. Сейчас я уйду, не оставив записки, и если он явится, то подумает, что я еще не получал его письма. Я могу назначить ему встречу, когда переселюсь на квар-

тиру получше, и буду одет, как подобает моему положению, а сейчас нет ничего проще, чем избежать встречи с этим потенциальным благодетелем.

С этими словами мерцавшая лампа печально захрипела и погасла, и я остался в кромешной тьме. Выругавшись самым непочтительным образом, я принялся шарить по комнате в попытке найти спички или хотя бы пальто и шляпу, и все еще был занят бесплодными, досадными поисками, когда услышал цокот копыт: под моим окном резко остановилась лошадь. Кругом был мрак; я замер, прислушиваясь. Внизу послышалось какое-то движение, затем с боязливой учтивостью заговорила хозяйка, и звуки ее голоса переплетались с иным, звучным мужским голосом, затем кто-то уверенным, ровным шагом стал подниматься по лестнице на мой этаж.

— Вот же дьявол! — сердито пробормотал я. — Как изменчива удача — явился тот, кого мне не хочется видеть!

III

Открылась дверь, и в плотной тьме, окутавшей меня, я мог различить лишь высокую тень, стоявшую на пороге. Я хорошо помню, какое необычное любопытство пробудилось во мне при виде этой расплывчатой фигуры, в которой с первого взгляда угадывалась статность и предстательность манер — и было оно столь сильным, что я едва расслышал, как хозяйка сказала: «Сэр, к вам явился этот джентльмен», — и ее слова тут же сменились неодобительным бормотанием, стоило ей увидеть погруженную во мрак комнату. «Ну конечно, должно быть, лампа погасла!» — воскликнула она, и, обращаясь к гостю, добавила: «Сэр, боюсь, что мистера Темпеста здесь все же нет, хотя я уверена, что видела его полчаса назад. Если вы подождете здесь минутку, я принесу огня и посмотрю, не оставил ли он записки на столе».

Она поспешно удалилась, и хотя я знал, что должен поприветствовать вошедшего, необычайная, необъяснимая порочная причуда заставляла меня молчать, не обнаруживая своего присутствия. Тем временем высокий незнакомец сделал шаг или два, и звучный голос с нотками иронической веселости назвал мое имя:

— Джеффри Темпест, вы здесь?

Почему я не мог ответить? Странное, неестественное упрямство сковало мой язык, и, скрытый во мраке своего жалкого прибежища, я продолжал хранить молчание. Величественная фигура приблизилась, вдруг нависнув надо мной, и гость вновь воззвал ко мне:

— Джеффри Темпест, здесь ли вы?

Стыд охватил меня, и я больше не мог сдерживаться — приложив немало усилий, чтобы разрушить это удивительное заклятие немоты, поразившей меня, словно труса, прячущегося в тени, я смело шагнул вперед, навстречу гостю.

— Да, я *здесь*. И стыжусь того, что мне приходится встречать вас вот так. Вы, разумеется, князь Риманез — я только что прочел ваше письмо, уведомившее меня о вашем визите, но надеялся, что хозяйка, увидев, что в комнате темно, подумает, что меня здесь нет, и проводит вас к выходу. Видите, я абсолютно честен с вами!

— Вы и в самом деле говорите правду! — ответил незнакомец, и в голосе его все так же звенела серебром скрытая насмешка. — Вы так честны со мной, что понять вас несложно. Без лишних слов, без лишней вежливости вы отказываетесь принять меня; вы вообще не хотели, чтобы я приходил!

Столь открытое изъяснение моего умонастроения прозвучало так бесцеремонно, что я в спешке принялся отрицать это, хотя знал, что так и было. Правда, даже пустичная, всегда неприятна!

— Прошу вас, не считайте меня столь неучтивым. На самом деле я ознакомился с вашим письмом всего не-

сколько минут назад, и до того, как сумел сделать хоть какие-то распоряжения, чтобы принять вас как подобает, лампа погасла, и вот я вынужден встретить вас в полной темноте, где даже руки друг другу не подать.

— А если попробовать? — спросил мой гость, и голос его внезапно смягчился, что придавало ему еще большую привлекательность. — Вот моя рука — и если вы ищете моей дружбы, наши руки встретятся — на ощупь, вслепую!

Я сразу протянул ему руку, и немедленно ощутил касание его теплой ладони, несколько властно сжавшей мою. В тот же миг комнату озарила вспышка света: вошла хозяйка, державшая в руках зажженную лампу, которую звала «своей лучшей», и поставила ее на стол. Кажется, у нее вырвался удивленный возглас при виде меня — что бы она ни сказала, я был слишком поглощен и очарован внешностью мужчины, в чьей длинной, изящной руке все еще покоилась моя. Я вполне высокого роста, но он был на полголовы выше, если не более того, и, рассмотрев его как следует, я подумал, что никогда еще не видел подобного сочетания красоты и интеллектуальности в облике любого из живущих. Превосходно очерченное лицо благородно возвышалось над плечами, достойными самого Геркулеса — овал его был идеален, необычайно бледен, и на нем ярко сияли большие черные глаза, взгляд которых загадочным образом полнился и веселостью, и болью. Но самым впечатляющим в его лице был рот — безупречная линия губ, красивых, но крепко сжатых, выдающихся, не слишком маленьких, так что в лице его не было ни капли женственности; также я отметил, что в покое они выражали горечь, надменность, даже жестокость. Но лишь только тень улыбки мелькала на них — и казалось, что они свидетельствовали или могли говорить о чем-то неуловимом, о страсти, у которой нет имени, и я мгновенно поймал себя на вспыхнувшей, как молния, мысли — что

же за тайна скрывалась за этим? Единым взглядом я охватил весь облик моего нового знакомого, в высшей степени располагавший к себе, и когда его крепкая рука выпустила мою, я почувствовал, будто знаю его всю свою жизнь! И теперь, стоя лицом к лицу, при свете яркой лампы, я вспомнил, при каких условиях мы встретились — убогая холодная комнатенка, погасший огонь, пятна сажи на почти голом полу, моя изношенная одежда, мой плачевный вид — чего стоили они в сравнении с моим царственным гостем, о богатстве которого красноречиво говорили великолепные русские соболя на его длинной шубе, которую он расстегнул небрежным, величественным жестом, оценивающе разглядывая меня.

— Знаю, что явился в неурочный час, — проговорил он, — но я всегда поступаю так! Такова моя злосчастная судьба. Люди благородных кровей никогда не явятся туда, где их не ждут — боюсь, что здесь мои манеры оставляют желать лучшего. Если можете, простите меня, и прочтите вот это, — и он протянул мне письмо, написанное знакомой рукой моего друга Кэррингтона. — И позвольте присесть, пока читаете его рекомендации.

Он пододвинул стул, усевшись на него. Я продолжал дивиться его прекрасному лицу и непринужденной позе.

— В рекомендациях нет необходимости, — сказал я со всей сердечностью, которую ощущал, — я уже получил письмо от Кэррингтона, где он отзывался о вас наипочтительнейшим образом. Но дело в том... что ж, князь, прошу простить, если я вызываю впечатление неловкости и смущения, но я ожидал увидеть перед собой глубокого старика...

И я осекся, действительно смутившись под взглядом пытливых сияющих глаз, словно пригвоздившим меня к месту.

— Милостивый государь, в нынешнем свете старости нет места! — беспечно заявил он. — Даже бабушки с дедушками в свои пятьдесят резвятся так, как не резвились в пятнадцать. О возрасте в приличном обществе не говорят — это признак дурных манер, это неприлично. А неприличные вещи не обсуждают — само понятие возраста стало неприличным. Таким образом, в беседах об этом не упоминают. Говорите, вы ожидали увидеть перед собой старика? Что ж, не стану вас разочаровывать — я и в самом деле стар. В сущности, вы понятия не имеете, насколько я стар!

Нелепость этих слов рассмешила меня.

— Но вы куда моложе меня, — возразил я, — и даже если это не так, то выглядите намного моложе своих лет.

— О, впечатления обманчивы! — весело подхватил он. — Совсем как некоторые из салонных красавиц, что считаются прекраснейшими из женщин, я куда более зрелый, чем кажусь. Но прочтите же то письмо, что я вам передал — тогда я буду спокоен.

Желая искупить вежливостью собственную грубость, я поступил так, как он просил, открыл письмо и прочел следующее:

«Дорогой Джеффри!

Податель сего, князь Риманез — весьма выдающийся ученый и дворянин, являющийся потомком одного из старейших семейств во всей Европе, а может быть, и в целом мире. Тебе, как исследователю и любителю истории Древнего мира, будет интересно узнать, что предки его были халдейскими князьями, впоследствии основавшими в Тире, откуда они переселились в Этрурию, где жили много веков, и последний потомок этого рода — человек весьма одаренный и добросердечный, а также мой добрый друг, коего я имею честь препоручить тебе с наилучшими пожеланиями. В силу некоторых тревожных и неодолимых обстоятельств он был изгнан из родного края и вынужден

расстаться с большей частью всего, что имел, и в значительной мере он превратился в скитальца, который немало странствовал и многое повидал, а потому очень хорошо разбирается в людях и жизни. Он поэт и музыкант, причем исключительного дарования, и хотя искусством он занимается исключительно ради собственного развлечения, полагаю, ты сочтешь его практические познания в области литературы чрезвычайно полезными на твоём нелегком пути. Должен также упомянуть, что во всем, что касается наук, познания его неограниченны. Дорогой Джеффри, я желаю вам стать сердечными друзьями.

Искренне твой Джон Кэррингтон».

Очевидно, в этот раз автор решил не подписываться своей кличкой «Боффлз», и я по какой-то глупой причине огорчился, не увидев ее. Письмо вышло каким-то казенным, холодным, как будто писалось под диктовку, против воли. Не знаю, почему у меня возникла подобная мысль. Я украдкой взглянул на моего безмолвствующего собеседника — он перехватил мой взгляд, и в ответ посмотрел на меня удивительно спокойно и мрачно. Опасаясь, что он прочел на моем лице тень мелькнувшего недоверия, я поспешно заговорил:

— Князь, благодаря этому письму я испытал еще большую неловкость от того, что встретил вас так неучтиво. Никакие извинения не могут служить оправданием моей грубости, но вряд ли вы способны представить всю глубину моего стыда — и мне все еще стыдно принимать вас в моей жалкой каморке, так как встретиться с вами я желал в совершенно иной обстановке...

Я замолчал, раздосадованный воспоминанием о том, насколько я теперь богат и как разительно мой внешний вид контрастирует с моим богатством. Князь отмахнулся от моих слов легким движением руки.

— К чему стыдиться? — спросил он. — Гордитесь тем, что можете обойтись без всей той пошлости, что

присуша роскоши. Гении цветут на чердаках и чахнут во дворцах — разве не так гласит общепринятая теория?

— Полагаю, скорее шаблонная и ошибочная, — ответил я. — Гению полезно было бы иногда бывать во дворцах; обыкновенно он умирает от голода.

— Верно! Но подумайте, сколько глупцов разжиреет, кормясь его мертвой плотью? Такова премудрая воля Провидения, милостивый государь! Шуберта сгубила нужда, но какие состояния сколотили издатели нот на его сочинения! Таков прекрасный промысел природы — честный люд жертвует собой во имя пропитания негодяев!

Он рассмеялся; я смотрел на него с удивлением. Его замечание было столь близко моим собственным наблюдениям, что я не понимал, шутит он или нет.

— Вы, конечно же, говорите саркастически? — спросил я. — Разве вы в самом деле верите в то, что говорите?

— О, конечно же верю! — ответил он, и глаза его вспыхнули ярко, почти как молния. — Если бы я не верил в плоды собственного опыта, что мне осталось бы тогда? Я всегда знал, почему *приходится* что-либо делать, как говорится в старой поговорке: «*Приходится, когда черт гонит*». Не существует ни единого аргумента, способного опровергнуть это утверждение. Дьявол попирает миром, в руке его бич — как ни странно (учитывая, что некоторые ретрограды все еще полагают, будто где-то существует какой-то бог), ему удастся править им с невероятной легкостью! — он нахмурился, и на плотно сжатых губах заиграла горькая усмешка, но затем тихо рассмеялся и заговорил вновь: — Но довольно резонерства — нравоучения пагубны для души, как в церкви, так и за ее стенами; каждый, кто обладает разумом, ненавидит, когда ему указывают, кем он *может* стать, а кем *не станет*. Я здесь с тем, чтобы стать вашим другом, если вы мне, конечно, позволите, и, дабы положить конец

всей этой церемонии, не сопроводите ли вы меня в мой отель, где нас ждет ужин?

В ту минуту я полностью очаровался непринужденностью его манер, его приятным обществом и сладко-голосием; его язвительное чувство юмора было сродни моему, и я чувствовал, что мы хорошо поладим; моя досада от того, что я был застигнут в столь унижительных обстоятельствах, несколько угасла.

— С удовольствием! — ответил я. — Но прежде вы должны позволить мне кое-что пояснить. Вам довелось немало услышать о моем положении из уст моего друга Джона Кэррингтона, а в его письме говорится, что вы прибыли ко мне чистосердечно и по доброй воле. Я признателен вам за столь благородные намерения! Знаю, что вы ожидали встретить опустившегося литератора, выживающего вопреки своим горестям и нищете, и всего пару часов назад ваши ожидания могли полностью оправдаться. Но сейчас дело обстоит иначе — я получил известия, решительным образом влияющие на мое общественное положение, а если точнее, меня ждало ошеломительное, феноменальное открытие...

— Видимо, оно было приятным? — вкрадчиво перебил меня мой собеседник.

Я улыбнулся.

— Судите сами! — и протянул ему письмо юриста, где говорилось о внезапно унаследованном состоянии.

Он быстро пробежал его глазами, затем сложил и вернул мне с учтивым поклоном.

— Полагаю, что вас можно поздравить. И я поздравляю вас. Однако хоть вам и кажется, что эти богатства несметны, я считаю, что эта сумма — сущий вздор. Подобное состояние можно пустить на ветер, промотать лет за восемь, а то и меньше; следовательно, оно ни в коей мере не избавит вас от нужды навсегда. Чтобы быть действительно богатым, в том смысле, в каком я это понимаю, необходимо иметь примерно миллион годового

дохода. В этом случае у вас уже будут веские основания надеяться на то, что вы не окончите свои дни в стенах рабочего дома!

Он засмеялся; я же глупо уставился на него, не зная, что и думать об услышанном: было ли это правдой либо пустым бахвальством? Пять миллионов — суший вздор! Он продолжал говорить, по-видимому, не замечая, насколько я ошеломлен:

— Друг мой, ненасытная людская жадность никогда не знает меры. Человек всегда жаждет обладать чем-то: не одним, так другим, а пристрастие к удовольствиям зачастую обходится дорого. К примеру, пара премилых безнравственных женщин вскоре растратит ваши пять миллионов на свои побрякушки. Скачки справятся с делом куда быстрее. Нет-нет, вы не богаты, вы все еще бедны — нужда лишь отступила на какое-то время. Должен признаться, что несколько разочарован — явившись к вам в надежде переменить судьбу восходящего гения, я обнаружил, что меня опередили — впрочем, как и всегда! Достойно удивления, но факт: когда бы я ни вознамерился кому-либо помочь, мне всегда мешают! Всегда-то мне приходится несладко!

Он замолчал и поднял голову, прислушиваясь.

— Что это? — спросил он.

— Скрипач в соседней комнате, играет знаменитую Ave Maria, — ответил я.

— Скверно, весьма скверно! — бросил он, презрительно пожав плечами. — Терпеть ненавижу всю эту слащавую, благочестивую чушь. Что ж! вы, будучи миллионером, что вскоре должен превратиться в светского льва, как я надеюсь, не станете отказываться от предложенного ужина? И, если угодно, от последующей поездки в мюзик-холл? Что скажете?

Он сердечно похлопал меня по плечу, заглянув прямо в мои глаза — и его невероятный ясный взгляд, полный скорби и огня, полностью подчинил меня себе. Я даже

не пытался противиться необычайному обаянию этого человека, с которым был едва знаком — слишком сильным, слишком приятным было это чувство, чтобы бороться с ним. Я усомнился лишь на мгновение, окинув взглядом свои обноски.

— Из меня выйдет неважный спутник, князь, — ответил я. — Я скорее похож на бродягу, чем на миллионера.

Взглянув на меня, он улыбнулся.

— Клянусь, так и есть! — согласился он. — Но будьте покойны, в этом вы не отличаетесь от иных Крезов. Лишь бедняки и гордецы хлопочут о том, как бы приодеться — они, да в придачу порочные женщины диктуют вкусы в моде. Пальто не по мерке порой украшает плечи премьер-министра, а если вы увидите женщину в дурно скроенном и расцвеченном платье, можете быть уверены, что она благодетельна и славится добрыми делами; возможно даже, что перед вами герцогиня. — Он поднялся и накинул свою соболиную шубу.

— Какая разница, что на плечах, если полон кошель? — весело продолжал он. — Как только в прессе напишут, что вы миллионер, можете не сомневаться, что какой-нибудь предприимчивый портной придумает фасон нового пальто «Темпест» из ткани того же цвета, что и ваше нынешнее платье, эстетического зеленоватого цвета с плесенью. Теперь идемте; письмо от вашего юриста, должно быть, разбудило ваш аппетит, иначе ценность его преувеличена, и я хочу, чтобы вы должным образом оценили поданный ужин. Со мной путешествует мой личный повар, и довольно искусный. Кстати, надеюсь, что вы хотя бы не откажете мне в одной маленькой просьбе — когда речь пойдет о правовых вопросах и улаживании формальностей, позвольте ли вы мне стать вашим банкиром?

Предложение это прозвучало столь дружелюбно и учтиво, что мне ничего не оставалось, кроме как принять его; таким образом я мог избавить себя от временной пу-

таницы в своих делах. Я поспешно написал пару строчек хозяйке, уведомив ее, что деньги она получит завтра почтовым отправлением, затем засунул единственную принадлежавшую мне вещь, мою рукопись, в карман пальто, затушил лампу и вместе со своим новообретенным другом, явившимся столь внезапно, я навсегда оставил мое унылое обиталище и все, связанное с ним. Тогда я и помыслить не мог, что настанет день, когда я буду вспоминать о тех временах, когда жил в этой захудалой каморке, как о лучших днях своей жизни; когда горькую нужду, что терпел тогда, я буду считать суровым, но богоданным ангелом, что вел меня к высшей благодати; когда отчаянно стану возносить слезные молитвы, желая стать тем, кем был прежде! Я часто задаюсь вопросом: является ли для человека благом то, что будущее сокрыто от него? Ступит ли он на путь зла, зная, к чему тот его приведет? Вопрос этот апокрифичен по своей сути — так или иначе, тогда я был счастлив в своем неведении. Я с радостью оставил унылый дом, где жил так долго и бедствовал в горести, и у меня не хватило бы слов, чтобы описать, какое облегчение я испытал, оставив его позади. Последним, что я слышал, выходя на улицу с моим спутником, был скорбный, заунывный плач мелодии в миноре, похожий на прощальный клич, брошенный мне вслед безвестным, незримым скрипачом.

IV

Снаружи ждал княжеский экипаж, запряженный парой живых черных лошадей с серебряными попонами, поразительных чистокровок, подтанцовывавших и нетерпеливо кусавших мундштуки; увидев своего господина, расторопный лакей распахнул дверцу, коснувшись полей шляпы в знак уважения. Мы забрались внутрь, причем мой спутник настоял на том, чтобы я сел пер-

вым, и, опустившись на мягкие подушки, я ощутил вкус роскоши и власти, столь сильный, что мне казалось, будто все мои невзгоды давно остались позади. Во мне боролись чувства голода и счастья, и голова слегка кружилась, как бывает после долгого поста, когда все вокруг теряет отчетливость и кажется нереальным. Я понимал, что, не удовлетворив свои физические потребности и не поправив свое телесное здоровье, не стоит полностью отдаваться мыслям о невероятной удаче, что постигла меня. В тот момент в моей голове царил хаос, в разрозненных мыслях не было никакой ясности; мне казалось, что я вижу фантастический сон, и вскоре должен буду пробудиться. Обрезиненные колеса экипажа бесшумно катились по мостовой, и слышалось только, как лошади идут рысью. Вскоре в полутьме я увидел, что мой новый друг пристально глядит на меня своими блестящими черными глазами.

— Разве вы не чувствуете, что мир уже лежит у ваших ног? — спросил он полушутя, полуиронически. — Слово мяч, готовый для удара. Мир этот просто абсурден, знаете ли; им так легко манипулировать. Во все века мудрецы из всех сил пытались сделать его менее нелепым, но тщетно, поскольку до сих пор здесь в почете глупость, а не мудрость. Футбольный мяч или даже волан среди прочих миров, который можно отбить куда угодно и как угодно, если ракетка из чистого золота!

— Князь, в ваших словах я слышу ноту горечи, — сказал я в ответ. — Не сомневаюсь в том, что вы хорошо разбираетесь в людях.

— Так и есть, — с нажимом произнес он. — Владения мои весьма обширны.

— Значит ли это, что вы по-прежнему правите ими? — удивленно воскликнул я. — И что титул ваш не только для почета?

— Для вашей аристократии это *и есть* всего лишь почетный титул, — быстро ответил он. — Когда я говорю,

что мои владения обширны, то подразумеваю, что правлю людьми, подчиняющимися власти денег. Разве с этой точки зрения я неправ, называя свои владения огромными? Разве оно не почти безгранично?

— Мне кажется, что вы циник. И все же, верите ли вы в то, что не все можно купить за деньги, к примеру, честь и достоинство?

Он изучающе смотрел на меня, загадочно улыбаясь.

— Полагаю, что честь и достоинство *действительно* существуют, — ответил он. — Конечно, в таком случае их не купишь. Но опыт говорит о противном — я могу купить все и всегда. Те чувства, что большинство людей зовет честью и достоинством, самые непостоянные из всего, что можно представить; если добавить достаточно денег, не успеешь и глазом моргнуть, как они превратятся в продажность и развращенность. Любопытно, весьма любопытно. Должен признаться, что как-то столкнулся с тем, кого нельзя было купить, но случай был единичным. Быть может, подобное повторится, хотя шансы весьма сомнительны. Что же до меня самого — прошу, не думайте, что я пытаюсь вас одурачить или выдать себя за кого-то, кем не являюсь. Уверяю вас, что я *подлинный* князь, и подобной родословной не способно похвастаться ни одно из старинных семейств, но владения мои давно раздроблены, а бывшие подданные разбросаны среди народов — анархия, нигилизм, потрясения и политические конфликты в целом вынуждают меня не особо распространяться о своих делах. К счастью, денег у меня с избытком — ими вымощен мой путь. Однажды, когда мы познакомимся поближе, вы узнаете больше об истории моей жизни. Имен у меня множество, и множество титулов, но я предпочитаю обходиться самыми простыми, так как большинство людей не в состоянии выговорить чужеземное имя. Моим близким друзьям свойственно опускать мой титул, и звать меня просто Лучо.

— Это ваше христианское имя?.. — спросил было я, но он резко и гневно оборвал меня.

— Вовсе нет — ни одно из моих имен не связано с крещением. В моем характере нет ничего христианского!

Звучавшее в его голосе раздражение было столь сильным, что я на минуту растерялся, не зная, что и сказать. Наконец, я тихо пробормотал:

— В самом деле?

Он разразился хохотом.

— «В самом деле!» И это все, что вы можете сказать! В самом деле и на самом деле меня крайне раздражает слово «христианский». Не существует ничего подобного. *Вы* не являетесь христианином — да и никто другой, все лишь притворяются, и этот акт притворства куда богохульнее, чем любой из падших демонов! Я же не склонен притворяться, и вера у меня одна...

— Какая же?

— Та, что глубока и ужасна! — взволнованно проговорил он. — И хуже всего то, что это правда — это так же истинно, как существование вселенских механизмов. Но это предмет для иных бесед — когда, будучи в дурном расположении духа, мы захотим поговорить о вещах мрачных и устрашающих. А сейчас мы прибыли туда, куда нужно, и главным вопросом для нас, как и тем, что занимает умы большинства людей, должно стать качество нашего ужина.

Экипаж остановился, и мы покинули его. Едва завед черных лошадей в серебристой сбруе, подносчик багажа вместе с парой-тройкой других слуг бросились нам прислуживать, но князь прошел в холл, не удостоив их даже взглядом, препоручив себя заботам степенного вида слуги, одетого в черное, приветствовавшего своего хозяина глубоким поклоном. Я тихо проговорил, что мне бы тоже хотелось снять номер в этом отеле.

— Мой человек об этом позаботится, — беспечно сказал он. — Здесь есть свободные номера, во всяком

случае, не все из лучших заняты, а вам, конечно же, захочется остановиться в одном из них.

Измученный половой, до сего момента разглядывавший мою изношенную одежду с особым презрением, что свойственно проявлять высокомерным лакеям в отношении тех, кого они считают бедными, услышав эти слова, внезапно стер глумливую ухмылку со своей лисьей мордочки и подобострастно склонился передо мной, когда я проходил мимо. Меня передернуло от отвращения, смешанного с подобием гневного торжества — ханжеское одобрение этого низкого человека было совершенным образцом того, как ко мне бы отнеслись в обществе «приличных» людей. Ведь в нем суждение о богатстве не отличается от суждений простой прислуги, и единственным мерилом служат одни лишь деньги — если ты беден и скверно одет, тебя отталкивают и избегают, но если ты богат, ты можешь одеваться так скверно, как только захочешь, и с тобой будут любезничать, тебе будут льстить и отовсюду слать приглашения, хотя ты можешь быть величайшим из живущих глупцов или подлецим из тех негодяев, по кому плачет виселица. Пока в моем сознании проносились все эти мысли, я следовал за своим угодителем в его номера. Он занял почти все крыло отеля: в его распоряжении была большая гостиная, столовая и смежный кабинет, обставленные самым роскошным образом; кроме того, были еще спальная, ванная и гардеробная, а по соседству комнаты для его слуги и двух личных камердинеров. Стол был накрыт к ужину: он сверкал великолепным хрусталем, серебром и фарфором и был украшен корзинами экзотических цветов и фруктов, и в несколько мгновений мы заняли свои места. Слуга князя прислуживал в качестве метрдотеля, и я заметил, что в ярком свете электрических ламп его лицо казалось очень мрачным и отталкивающим, даже отвратительным, но свои обязанности он выполнял безупречно, расторопно, внимательно и почтительно, так что я

мысленно укорял себя за проявление инстинктивной неприязни к нему. Звали его Амиэль, и я обнаружил, что невольно слежу за его беззвучными движениями; даже его походка была скользящей, словно у крадущейся кошки или тигра. Ему помогали два камердинера, полностью подчинявшихся ему, столь же ловких и отлично вышколенных — а я наслаждался изысканнейшим ужином из всех, что мне доводилось отведать за невероятно долгое время. К столу подали вино, о котором могли только мечтать его истинные ценители — для них оно было недоступно. Я начал сознавать все удобства своего положения и говорил уверенно и свободно, все сильнее очаровываясь моим новым другом с каждой минутой, проведенной в его обществе.

— Продолжите ли вы свою литературную деятельность теперь, став владельцем этого небольшого состояния? — спросил он, когда мы закончили ужинать и Амиэль подал выдержанный коньяк и сигары, а затем почтительно удалился. — Будет ли вам вообще до нее дело?

— Ну разумеется, — ответил я, — хотя бы веселья ради. Видите ли, с помощью денег я могу сделать так, что публика меня заметит вне зависимости от того, как ей это понравится. Ни одна газета не откажется от публикации платных объявлений.

— Ваша правда! Но разве вдохновение не иссякнет от полного кошелька, но пустой головы?

Это замечание нимало меня не задело.

— Так вы считаете меня пустоголовым? — спросил я с некоторой досадой.

— Не сейчас. Дорогой мой Темпест, не позволяйте токайскому, что мы пили сейчас, или коньяку, что мы будем пить, говорить за себя! Уверяю вас, что я не считаю вас пустоголовым — напротив, насколько я слышал, она полна идей — прекрасных и оригинальных, но им нет места в мире литературной художественной критики.

Будут ли эти идеи давать всходы или зачахнут теперь, когда туго набит ваш кошель — вот в чем вопрос. Выдающаяся оригинальность и вдохновение, как ни странно, редко присущи миллионерам. Вдохновение должно быть даровано свыше, деньги — наоборот. Однако в вашем случае и вдохновение, и оригинальность расцветут и принесут плоды — я верю в то, что это возможно. Впрочем, бывает и так, что Бог оставляет подающего надежды гения, осыпанного деньгами, и тогда на сцену выходит дьявол. Слыхали вы о таком?

— Никогда! — с улыбкой ответил я.

— Что ж, конечно, это утверждение смехотворно, и кажется вдвойне глупей в наш век, когда люди не верят ни в Бога, ни в дьявола. Однако оно содержит намек на то, что человек должен сделать выбор — вознестись или пасть; наверху гений, внизу деньги. Нельзя же и летать, и пресмыкаться одновременно.

— Вряд ли обладание деньгами заставит человека пресмыкаться, — возразил я. — Они необходимы, чтобы поддерживать его силы в полете, чтобы он мог воспарить на недостижимую высоту.

— Вы так считаете? — И мой хозяин с печальным и задумчивым видом закурил сигару. — Боюсь, что вы не очень-то знакомы с тем, что я назову физической основой природы. То, что принадлежит земле, притягивается ей — понимаете ли вы это? Золото совершенно определенно принадлежит земле — его добывают из земли, из золотоносной породы, переплавляют в слитки — это вполне осязаемый металл. Никто не знает, откуда рождается гениальность — ее не выкопаешь, не передашь другому, с ней ничего нельзя сделать, кроме как восхищаться ей — это редкая гостья, капризная, как ветер, зачастую вносящая ужасную разруху в ряды шаблонных людей. Как я упоминал, она родом из горного мира, выше земных запахов и вкусов, и те, что ей обладают, всегда обитают в неведомых высоких широтах.

Но деньги — предмет полностью земной; когда у кого-то их много, он опускается на землю и остается стоять на ней!

Я рассмеялся.

— Как убедительно вы произносите речи против богатства! Ведь вы сами необычайно богаты — разве вы жалеете об этом?

— Нет, не жалею, так как в этом нет смысла, — ответил он, — и я никогда не трачу время понапрасну. Но я говорю вам истинную правду — гений и богатство почти никогда не идут рука об руку. Возьмем, к примеру, меня самого — вы и представить не можете, какими способностями я обладал — о, как давно это было! — прежде, чем стать свободным!

— Уверен, они по-прежнему с вами, — заявил я, глядя на его благородное лицо и ясные глаза.

На его лице снова мелькнула та странная, едва заметная улыбка, которую мне уже доводилось видеть прежде.

— О, вы желаете мне польстить! Вам приятен мой облик — как и многим иным. И все же нет ничего более обманчивого, чем внешность. Причина в том, что как только проходит детство, мы навсегда перестаем быть самими собой и вынуждены притворяться, и наша телесная оболочка лишь скрывает то, чем мы являемся на самом деле. Придуманно действительно ловко и хитро — таким образом ни друг, ни враг не способен заглянуть за преграду плоти. Каждый человек — одинокая душа, что томится в рукотворной тюрьме, созданной им самим, — оставаясь в одиночестве, он вспоминает об этом и часто ненавидит себя, а иногда пугается прожорливого, кровожадного чудовища, что скрывается под личиной его привлекательного тела, и спешит забыть о его существовании, предаваясь пьянству и разврату. Так иногда поступаю и я — полагаю, вы обо мне так не думали?

— Никогда! — быстро ответил я, так как что-то в его словах и лице странным образом тронуло меня. — Вы клевете на самого себя, очерняя собственную душу.

Он тихо усмехнулся.

— Может, и так! — рассеянно проговорил он. — Поверьте в то, что я не хуже большинства людей. Но вернемся к вопросу вашей литературной деятельности — вы говорили, что написали книгу, так опубликуйте ее и посмотрите, что из этого выйдет — если она будет пользоваться успехом, вас ждет удача. И есть способы сделать так, чтобы она стала популярной. О чем же ваш роман? Надеюсь, это что-нибудь непристойное?

— Вовсе нет, — горячо возразил я. — Это роман о благороднейших людях и высоких стремлениях — я написал его с целью возвысить и очистить мысли моих читателей, а также по возможности утешить мучимых горем или чувством утраты...

Риманез сочувственно улыбался.

— О, так не пойдет! — прервал он меня. — Уверяю, что нет; не та эпоха. Может, его и одобряют, если право первой ночи вы отдадите критикам, как поступил один из моих ближайших друзей, Генри Ирвинг — первая ночь, да еще отличный ужин и хорошая выпивка. Иначе все без толку. Чтобы он стал успешным, не стоит пытаться преуспеть в изящной словесности — стоит сделать его непристойным. Настолько неприличным, насколько это возможно, при этом не оскорбляя прогрессивных женщин — и вы обеспечите себе большое преимущество. Приправьте все как можно большим количеством пикантных подробностей и беременностью — если вкратце, пусть предметом вашего дискурса станут мужчины и женщины, единственной целью существования которых является размножение, и вас ждет невероятный успех. Во всем мире не сыщется такого критика, что не станет рукоплескать вам, а пятнадцатилетние школьни-

цы будут с вождением проглатывать страницу за страницей в своих тихих девственных спальнях!

Глаза его смотрели глумливо и насмешливо, и я не находил слов, чтобы ответить ему; в то же время он продолжал говорить:

— Дорогой мой Темпест, как вам вообще пришло в голову написать книгу, предметом которой, как вы говорите, служат «благороднейшие формы жизни»? На этой планете таковых не осталось — сплошь торгаши да плебеи, люди ничтожны; столь же ничтожны и их стремления. Ищите благородные формы жизни в иных мирах! ибо они *существуют*. К тому же люди не желают ни возвышенных, ни чистых мыслей — для этого у них есть церковь, где они зевают от скуки. И с чего бы вам утешать тех, кто по собственной глупости сам навлек на себя несчастье? Они не станут утешать вас, не дадут и полшиллинга, чтобы спасти от голода. Мой добрый друг, забудьте про свое донкихотство так же, как забыли про свою бедность. Живите для себя — если вы будете помогать другим, взамен вам оплатят лишь черной неблагодарностью, так что последуйте моему совету и не жертвуйте личными интересами из каких бы то ни было соображений.

С этими словами он встал из-за стола, повернувшись спиной к огню, и спокойно курил сигару; я же смотрел на его статную фигуру и красивое лицо, но мое восхищение омрачала мелькнувшая тень болезненного сомнения.

— Не будь вы столь хороши собой, я бы назвал вас бессердечным, — сказал я наконец. — Ваша внешность полностью противоречит тому, что вы говорите. На самом деле в вас нет безразличия к людям, которое вы стремитесь продемонстрировать — весь ваш облик говорит о благородстве духа, которое вам не подавить. Кроме того, разве вы не всегда пытаетесь творить добро?

Он улыбнулся.

— Всегда! Иными словами, я всегда занят тем, что пытаюсь угодить людским желаниям. А хорошо это для меня или плохо, еще не доказано. Потребности людей почти не знают границ, хотя, насколько мне известно, единственное, чего бы не желал ни один из них — прекратить всяческие сношения со мной!

— С чего бы вдруг? Разве могут они поступить так, познакомясь с вами? — Абсурдность его слов рассмешила меня.

Он бросил на меня косой, загадочный взгляд.

— Желания людей не всегда добродетельны, — добавил он, отвернувшись, чтобы стряхнуть пепел в камин.

— Но вы, конечно же, не потакаете им в их порочных намерениях? — спросил я, все еще смеясь. — Тогда бы это значило, что вы слишком рьяно играете роль благодетеля!

— Вижу, что наш с вами разговор ведет нас прямоком в зыбучие пески предположений. Мой дорогой друг, вы забываете: никто не может решать, *что есть* порок, а *что есть* добродетель. Эти понятия подобны хамелеонам, и в разных краях принимают разные обличья. Авраам имел трех жен и нескольких наложниц и, согласно Священному Писанию, был воплощением добродетели, а какой-нибудь лорд Остолоп в современном Лондоне имеет одну жену, нескольких наложниц, и во многом весьма схож с Авраамом, но считается чудовищем. «Кто будет прав, коль спорят мудрецы?»¹ Не будем больше об этом, так как мы никогда не придем к соглашению. Чем мы займем остаток вечера? Сегодня в Тиволи² выступает одна ушлая широкобедрая танцовщица, пытающаяся покорить одного мелкого дряхлого герцога — быть может,

¹ Александр Поуп. Moral Essays, Epistle III (*Здесь и далее прим. пер.*).

² Варьете на улице Стрэнд (театр просуществовал с 1890 по 1916 г.).

взглянем на то, как извивается ее роскошное тело в попытках протиснуться в ряды английской аристократии? Или вы устали, и вам по душе долгий ночной сон?

По правде говоря, я был порядком измотан: волнения и тревоги минувшего дня сказались как на моем душевном, так и телесном состоянии, и голова гудела от вина, которого я так давно не пил.

— Честное слово, сейчас бы я предпочел сон чему угодно, — признался я. — Но как быть с моей комнатой?

— Об этом позаботится Амиэль — давайте его попросим. — Он нажал кнопку звонка, и в тот же миг явился его слуга.

— Есть ли комната для мистера Темпеста?

— Да, ваше превосходительство. Номер почти напротив комнат вашего превосходительства. Не так благоустроен, как хотелось бы, но я сделал все возможное, чтобы там можно было провести ночь.

— Большое спасибо! — сказал я ему. — Очень вам обязан.

Амиэль почтительно поклонился.

— Спасибо *вам*, сэр.

Он удалился, и я собрался пожелать хозяину спокойной ночи. Он сжал мою протянутую руку и задержал ее в своей, загадочно глядя на меня.

— Вы нравитесь мне, Джеффри Темпест. И поскольку вы мне нравитесь, а также потому, что я вижу в вас задатки чего-то большего, чем обыкновенная земная тварь, я сделаю вам предложение, которое, быть может, покажется вам необычным. Вот его суть — если я вам не нравлюсь, скажите об этом немедленно, и мы расстанемся сейчас, не узнав друг друга ближе, и я постараюсь больше не вставать на вашем пути, если только вы сами не захотите этого. Но если я пришелся вам по душе, если вы находите в моем нраве или складе ума нечто близкое вашей натуре, пообещайте мне, что на какое-то время станете мне другом и товарищем — скажем, на несколь-

ко месяцев. Я введу вас в высший свет, познакомлю вас с прекраснейшими женщинами во всей Европе, равно как и с самыми блистательными из ее мужей. Я знаю их всех и верю, что могу быть вам полезен. Но если в вашей душе есть хоть малейший след неприязни ко мне, — тут он ненадолго умолк, и затем заговорил вновь с необычайной серьезностью, — тогда, во имя Всевышнего, дайте ей волю и отпустите меня — ибо, клянусь не шутя, что я не тот, кем кажусь вам!

Я был решительно поражен переменной его облика и еще больше — тем, как прозвучали его слова. На мгновения меня одолели сомнения — если бы я только знал, что в тот самый миг решалась моя судьба! Он был прав — мимолетная тень недоверия и отвращения к этому удивительному и такому циничному человеку в самом деле промелькнула в моей душе; видимо, он догадывался об этом. Но теперь всяческая подозрительность рассеялась, и я снова горячо сжал его руку.

— Мой дорогой друг, ваши предостережения запоздали! — удовлетворенно ответил я. — Кем бы вы ни были и кем бы себя не считали, вы так близки мне по духу, насколько это возможно, и я считаю невероятной удачей знакомство с вами. Мой старый друг Кэррингтон в самом деле оказал мне хорошую услугу, сведя нас вместе, и смею заверить вас, что стану гордиться нашей дружбой. Мне кажется, вы с завидным упрямством хулите самого себя — но вспомните старинную пословицу: «Не так страшен черт, как его малюют».

— И это так! — мечтательно прошептал он. — Бедный дьявол! Его прегрешения, без сомнений, преувеличены святошами! Так значит, мы станем друзьями?

— Надеюсь! Я не нарушу договор первым!

Его черные глаза смотрели на меня задумчиво, но в них блуждала улыбка.

— Слово «договор» мне нравится, — сказал он. — Значит, мы будем считать это договором. Я хотел помочь

вам улучшить ваше материальное положение — теперь в этом нет нужды, но думаю, что смогу помочь вам выбиться в свет. Найти любовь — разумеется, вы обретете любовь, если уже не полюбили кого-то — я прав?

— Не полюбил! — быстро и искренне ответил я ему. — Мне еще не доводилось встречать женщину, что соответствовала бы моим представлениям о красоте.

Он разразился хохотом.

— Клянусь, нахальства вам не занимать! Значит, вам нужен идеал красоты, и ничего кроме? Друг мой, не забывайте, что, хотя вы неплохо сложены и вполне хороши собой, вы далеко не лучезарный Аполлон!

— Это не имеет ни малейшего отношения к делу, — возразил я. — Мужчина должен тщательно выбирать себе жену в угоду собственным потребностям, так же как лошадей или вино — не признавая ничего, кроме совершенства.

— А женщина? — спросил Риманез, и глаза его весело сверкнули.

— У женщины нет права выбирать, — ответил я с удовольствием, так как давно вынашивал эту мысль, желая с кем-нибудь ей поделиться. — Она должна сочетаться браком при любой возможности, чтобы ее обеспечивали. Мужчина всегда остается мужчиной — женщина лишь его придаток, и, не будучи красивой, она не может претендовать ни на его любовь, ни на его поддержку.

— Верно! Совершенно справедливое и логически обоснованное наблюдение! — воскликнул он с необычайной серьезностью. Сам я ничуть не симпатизирую новомодным идеям, касающимся женского интеллекта. Женщина — не что иное, как самка человека, вместо души в привычном понимании у нее есть лишь произвольное отражение мужской души; за неимением логики она неспособна формировать верное мнение о чем бы то ни

было. Вся мошенническая религия держится на этих истеричных созданиях, незнакомых с математикой. Любопытно, что, будучи столь ничтожными, они умудрялись сеять столько несчастий по всему свету, расстраивать замыслы мудрейших правителей и их советников, которые, будучи мужчинами, должны были бы подчинить их себе. А в наши дни они стали совершенно необузданными.

— Это скоро пройдет, — небрежно бросил я. — Всего лишь очередное модное поветрие, а поддерживают его только те женщины, которых никто не любит и которых не за что любить. Женщины мало меня заботят — сомневаюсь, что я вообще когда-либо женюсь.

— Что ж, времени у вас предостаточно, а между прочим вы можете развлекаться в обществе красавиц, — сказал он, пристально глядя на меня. — Меж тем, если вам угодно, я покажу вам ярмарки невест всего мира, хотя самая большая из них, конечно же, находится в этой столице. Нас ждут крайне выгодные сделки, мой дорогой друг! Прекрасные блондинки и брюнетки нынче необычайно дешевы. Мы займемся этим на досуге. Рад, что вы решили стать моим товарищем — я горжусь этим, должен заметить, я чертовски горд и не навязываю свое общество никому из тех, кто желает от меня избавиться. Доброй ночи!

— Доброй ночи! — отозвался я. Мы вновь пожали друг другу руки, и в этот самый миг внезапная вспышка молнии озарила комнату, и вслед за тем послышался чудовищный раскат грома. Свет погас; лишь отблески пламени плясали на наших лицах. Я был слегка напуган и растерян, но князь и бровью не повел, а его глаза сверкнули во мраке, совсем как кошачьи.

— Ну и буря! — весело заметил он. — Гроза зимой — дело необыкновенное. Амиэль!

Вошел слуга, чье зловещее лицо в темноте напоминало бледную маску.

— Лампы погасли, — заявил его хозяин. — Очень странно, но цивилизованное человечество до сих пор не научилось как следует управляться с электричеством. Можешь привести все в порядок, Амиэль?

— Да, ваше превосходительство.

И в несколько мгновений, благодаря некоей ловкой манипуляции, невидимой глазу и непонятной мне, лампы в хрустальных светильниках снова зажглись ярким светом. Где-то высоко снова раздался оглушительный громовой раскат, и с неба хлынул дождь.

— В самом деле, погода для января весьма примечательная, — сказал Риманез, снова протянув мне руку. — Доброй ночи, мой друг! Крепкого вам сна.

— Если на то будет воля разгневанной стихии! — с улыбкой ответил я.

— Забудьте о стихиях. Человечество почти подчинило их своей воле, и вскоре возобладает над ними, так как постепенно начинает понимать, что никакое божество не способно помешать его планам. Амиэль, проводите господина Темпеста в его номер.

Амиэль подчинился, пересек коридор и открыл передо мной дверь в большую, богато обставленную комнату, где ярко горел камин. Едва я вошел, меня обдало уютной волной тепла, и я, с самого детства не выдавший подобных удобств, почувствовал, как меня наполняет ликование перед лицом столь внезапно улыбнувшейся мне удачи. Амиэль почтительно ждал в стороне и, как мне казалось, поглядывал на меня с насмешкой.

— Угодно ли вам что-нибудь, сэр? — обратился он ко мне.

— Нет, благодарю вас, — ответил я, стараясь придать голосу оттенок беспечности и снисходительности, так как чувствовал, что этого человека стоит держать на коротком поводке, — вы были так обходительны, и я не забуду этого.

На его лице мелькнула тень улыбки.

— Весьма признателен вам, сэр. Спокойной ночи.

И он удалился, оставив меня в одиночестве. Я принялся мерить комнату шагами, словно во сне, пытаюсь сосредоточиться и все обдумать — обдумать невероятную череду событий минувшего дня, но голова моя все еще была окутана туманом, сквозь который проступал единственный яркий образ — моего нового друга, Риманеза. Его невероятно привлекательная внешность и манеры, его причудливый цинизм, смешанный с иными, более глубокими убеждениями, еще неизвестными мне, незначительные, но примечательные особенности его поведения и юмора не давали мне покоя, неразрывно сливаясь со мною самим и обстоятельствами, в которых я находился. Я разделся у огня, сонно прислушиваясь к шуму дождя и печальному эху уходящей вдаль грозы.

— Джеффри Темпест, перед тобой весь мир, — неспешно заговорил я сам с собой, — ты молод, здоров, хорош собой и умен; к тому же теперь у тебя есть пять миллионов и богатый князь стал твоим другом. Чего еще тебе просить у судьбы или фортуны? Ничего, кроме славы! Но ее несложно будет добиться, так как в наши дни славу можно купить, равно как и любовь. Твоя звезда восходит — больше никакой литературной каторги, мой мальчик! Отныне и до конца твоей жизни твой удел — наслаждения, достаток и раздолье. Твой день наконец настал, счастливцев!

Я бросился на мягкую кровать и приготовился уснуть — сквозь сон я все еще слышал отголоски грома, звучавшего где-то вдалеке. Затем мне показалось, что я слышу яростный крик князя, подобный дикому ветру, зовущему «Амиэль! Амиэль!», и мгновенно проснулся оттого, что ощутил чье-то присутствие и чей-то пристальный взгляд. Я сел в постели, вглядываясь в темноту; огонь в камине погас, и я включил электрический ночник, стоявший у постели — комната осветилась, и я увидел, что здесь никого не было. Но перед тем, как я все же

уснул, воображение вновь сыграло со мной шутку, и я услышал свистящий шепот совсем рядом:

— Тише! Не стоит его тревожить. Пусть этот глупец и дальше спит сном глупца!

V

На следующее утро, пробудившись, я узнал, что «его превосходительство», как называли князя Риманеза и его собственные слуги, и персонал «Гранд-Отеля», отправился на конную прогулку в парк, оставив меня завтракать в одиночестве. Посему я подкрепился в холле отеля, где мне прислуживали с предельной услужливостью, несмотря на мое затасканное платье, переменить которое я пока что не мог. В котором часу я пожелаю прийти на ланч? Когда захочу отобедать? Оставить ли за мной нынешнюю комнату или я желаю переселиться в другую? Быть может, я захочу снять номера, подобные тем, что занимает его превосходительство? Все эти почтительные вопросы сперва смутили меня, но потом позабавили — очевидно, слухи о моем богатстве неким загадочным образом достигли нужных ушей, и теперь я пожинал первые плоды случившегося. Я отвечал, что еще не решил, как поступить, и дам окончательный ответ в течение нескольких часов, а пока останусь в том же номере, что прежде. Покончив со своей трапезой, я отправился к юристам, и уже хотел нанять двуколку, когда увидел, как мой новый друг возвращается с прогулки. Он восседал на великолепной каурой кобыле, чей дикий взгляд и дрожащие от напряжения ноги указывали на то, что она только что неслась галопом и все еще была недовольна, а потому противилась ездуку. Она пыталась встать на дыбы, опасно пританцовывая меж телег и кэбов, но ее сдерживал Риманез, еще более очаровательный при свете дня, чем ночью; легкий румянец слегка

оживил его бледные черты, а глаза сияли от удовольствия после утреннего моциона. Я ждал, пока он приблизится; рядом был Амиэль, появившийся в коридоре ровно в тот момент, когда показался его хозяин. Увидев меня, Риманез улыбнулся, коснувшись шляпы рукоятью хлыста в знак приветствия.

— Долго же вы спали, Темпест, — сказал он, спешиваясь и передавая поводья следовавшему за ним стремennomу. — Завтра вы должны присоединиться ко мне; я буду в обществе тех, кто в новомодной манере называет себя «Ливерной Бригадой». Когда-то одно упоминание «ливера» или каких угодно внутренних составляющих нашего телесного механизма считалось верхом неприличия и низкородности — но теперь с этим покончено, и мы находим странное удовлетворение в обсуждении болезней и неприглядных медицинских подробностей в целом. В «Ливерной Бригаде» вы сможете взглянуть на весьма занимательных господ, продавшихся дьяволу ради увеселительных заведений — тех, что едят столько, что кажется, будто они вот-вот лопнут, а потом гарцуют на породистых лошадях — животных, достойных уважения, в отличие от этих животных — в надежде разогнать свою дурную кровь, которую же сами и травят. Они думают, что я один из них, но ошибаются.

Он погладил кобылу, и стремненной увел ее; на лоснящейся груди и подплечьях виднелась пена после тяжелой скачки.

— К чему тогда участвовать в этой процессии? — смеясь, спросил я, разглядывая его с нескрываемой симпатией, так как в экипировке сложение его казалось еще более гармоничным. — Значит, вы мошенник!

— О да! — весело воскликнул он. — И в Лондоне я не один такой, знаете ли. Куда собираетесь?

— К юристам, чье письмо прочел вчера — в фирму «Бентам и Эллис». Чем раньше я с ними пообщаюсь, тем лучше, разве не так?

— Да, но послушайте, что я вам скажу, — он отвел меня в сторону. — Вам потребуются наличные. Со стороны ваша просьба о срочном авансе покажется странной, и нет необходимости пояснять юристам, что вы получили письмо, будучи в шаге от голодной смерти. Возьмите этот бумажник — помните, вы пообещали, что я буду вашим банкиром? — и по пути можете заглянуть к какому-нибудь портному с хорошей репутацией, чтобы как следует приодеться. Ну, вперед!

Он стремительно зашагал прочь — я поспешил ему вслед, тронутый такой добротой.

— Но подождите... постойте же... Лучо! — Так я впервые назвал его по имени. Он мгновенно остановился и стоял совершенно спокойно.

— Ну? — спросил он с вежливой улыбкой.

— Вы не дали мне возможности договорить, — сказал я тихо, так как мы стояли в общем коридоре отеля. — По сути, у меня есть кое-какие деньги, то есть я могу получить их сразу — Кэррингтон выслал мне вексель на пятьдесят фунтов вместе со своим письмом; об этом я забыл вам сказать. Он поступил очень достойно, дав их мне взаймы — пусть вексель останется у вас в качестве залога за бумажник. Кстати, сколько в нем денег?

— Пять сотен, банкнотами по десять и двадцать фунтов, — кратко и по-деловому ответил он.

— Пять сотен! Мой дорогой друг, мне столько не нужно. Это слишком много!

— В наши дни лучше иметь слишком много, чем слишком мало, — возразил он со смехом. — Мой дорогой Темпест, не придавайте этому такого значения. Пятьсот фунтов — это ничто. Эти деньги можно потратить на один только несессер. Лучше отошлите назад вексель Кэррингтона — я бы не стал считать его столь щедрым, учитывая, что он наткнулся на золотую шахту стоимостью в сотню тысяч фунтов стерлингов за несколько дней до того, как я покинул Австралию.

Его слова я выслушал с большим удивлением, и даже некоторой долей негодования. Вся честность и щедрость моего приятеля Боффлза вдруг померкла в моих глазах — почему в письме он ни словом не обмолвился о своих успехах? Или боялся, что я стану докучать ему просьбами о новых займах? Видимо, Риманез, пристально наблюдавший за мной, прочел мои мысли, так как незамедлительно добавил:

— Разве он не сказал вам о том, как ему повезло? Не очень-то дружеский поступок, но минувшей ночью я уже упоминал о том, что деньги часто портят людей.

— Осмелюсь предположить, что он не хотел меня обидеть, — поспешно возразил я с натянутой улыбкой. — Не сомневаюсь, что в следующем письме он обо всем мне напишет. Что же касается этих пятисот фунтов...

— Оставьте, оставьте, — нетерпеливо перебил меня он. — К чему все эти разговоры о залогах? Разве не *вы* заключили со мной сделку?

Я рассмеялся.

— Что ж, теперь за меня можно поручиться, да и я от вас никуда не сбегу.

— От *меня*? — и в его внимательных глазах промелькнул холод. — Да, это точно!

Он небрежно взмахнул рукой и оставил меня; я же, сунув набитый банкнотами кожаный бумажник за пазуху, нанял двуколку и быстро покатил на Бэзингхолл-стрит, где меня ждали мои поверенные.

Прибыв по назначению, я представился, и меня со всем полагающимся почтением поприветствовали одетые в плохонькие черные костюмы два человечка, оказавшиеся представителями «фирмы». По моей просьбе вниз спустился клерк, чтобы оплатить кэб и отпустить кучера, а я, раскрыв бумажник Лучо, попросил разменять десятифунтовую банкноту золотом и серебром, что они с охотой исполнили. Затем мы приступили к делам. Мой дальний родич, которого я не помнил, видел ме-

ня лишенным матери младенцем на руках кормилицы и без ограничений завещал мне все, чем владел, включая несколько редких коллекций картин, драгоценностей и антиквариата. Его завещание было столь лаконичным и недвусмысленным, что какое-либо юридическое буквоедство становилось невозможным, и мне сообщили, что через неделю, в крайнем случае десять дней, все дела будут приведены в порядок, и я единолично и полно вступлю в свои права наследования.

— Вы невероятно удачливы, мистер Темпест, — сказал старший из партнеров, мистер Бентам, откладывая в сторону последние из просмотренных бумаг. — В вашем возрасте это достойное князя наследство способно стать для вас великим подспорьем или великим проклятьем — кто знает? Обладание столь огромными богатствами влечет за собой огромную ответственность.

Меня позабавила подобная дерзость, исходившая от простого служителя закона, пытавшегося извлечь мораль из постигшей меня удачи.

— Многие бы с радостью приняли такую ответственность, поменявшись со мной местами, — небрежно бросил я. — Как насчет вас?

Я знал, что подобные ремарки считались дурным тоном, но сказал это сознательно, так как чувствовал, что он не вправе поучать меня в том, что касается богатства. Однако. Он не выглядел оскорбленным — просто искоса взглянул на меня, как задумчивый ворон.

— Нет, мистер Темпест, нет, — сухо сказал он, — не думаю, что мне вообще стоило бы оказываться на вашем месте. Мне вполне достаточно того, кто я есть. Мое состояние заключено у меня в голове и приносит мне достаточный процент для существования, и ни о чем большем я не прошу. Мне достаточно просто жить с комфортом и честно зарабатывать на хлеб. Я никогда не завидовал богачам.

— Мистер Бентам философ, — с улыбкой заметил его партнер, мистер Эллис. — В нашей профессии видишь столько взлетов и падений, что, следя за тем, как переменчиво благосостояние наших клиентов, мы хорошо усвоили этот урок.

— О, этот урок я так и не усвоил до сего дня! — весело ответил я. — Но в данный момент, должен признаться, я доволен своим положением.

Они по очереди чинно поклонились мне, и мистер Бентам пожал мою руку.

— Что ж, с делами покончено; позвольте вас поздравить, — вежливо проговорил он. — Разумеется, если вы в любое время решите передать ведение ваших дел в иные руки, я и мой партнер беспрекословно подчинимся вашей воле. Ваш покойный родственник полностью нам доверял...

— Смею заверить, что и я тоже, — перебил его я. — Прошу, окажите мне услугу, и продолжайте сотрудничать со мной так же, как с моим дядюшкой, и можете наперед быть уверены в моей признательности.

Оба человечка вновь поклонились; теперь руку мне протянул мистер Эллис.

— Мы постараемся сделать все, что в наших силах, не так ли, Бентам? — Бентам степенно кивнул. — Что скажете, Бентам, стоит ли нам говорить об этом или все же не стоит?

— Полагаю, — напыщенно отозвался тот, — что все-таки стоит об этом упомянуть.

Я переводил взгляд с одного юриста на другого, не понимая, о чем идет речь. Мистер Эллис потер руки и неодобрительно улыбнулся.

— Мистер Темпест, дело в том, что ваш покойный родственник был одержим одной идеей — а ум его был практичен и трезв, но идея эта была куда как любопытна, и если бы он до некоторой степени продолжил ее развивать, то окончил бы свои дни в сумасшедшем доме

и не сумел бы распорядиться своим состоянием столь... эээ... достойным и благоразумным образом. К счастью для себя и для эээ... для вас, он не стал ей упорно следовать, до самого конца сохранив свою достойную восхищения практичность и незыблемость моральных устоев. Но я склонен считать, что от этой мысли он так и не отказался, так, Бентам?

Бентам задумчиво уставился на черное круглое пятно от газового рожка на потолке.

— Я думаю, что... да, я думаю, что он был абсолютно в этом уверен, — ответил он.

— Уверен в чем? — спросил я нетерпеливо. — Он что, хотел запатентовать некое изобретение? Новый летательный аппарат, и тем самым пустить по ветру собственное состояние?

— Нет-нет-нет! — И мистер Эллис рассмеялся коротким веселым смешком. — Нет, мой любезный сэр — в его воображении не было никаких мыслей, связанных с машиностроением либо коммерцией. Он был слишком... эээ, слишком враждебно настроен ко всему, что зовется «прогрессом», к любым изобретениям, благодаря которым мир становится лучше. Видите ли, мне не просто подобрать слова, чтобы объяснить, в чем заключалась эта абсурднейшая и нелепая выдумка, но... ведь мы так и не узнали, каким образом он разбогател, так, Бентам?

Бентам покачал головой и сжал губы.

— Мы управляли значительными средствами, инвестируя их и так далее, но в наши обязанности не входило интересоваться их происхождением, так, Бентам?

И снова Бентам мрачно покачал головой.

— Нам доверили эти средства, — продолжил его партнер, нежно сомкнув кончики пальцев, — и мы постарались оправдать это доверие, сохраняя благоразумие и лояльность настолько, насколько могли. И лишь по истечении многих лет совместной работы он упомянул

о... эээ... данной идее, совершенно сумасбродной и невероятной, и если коротко, вот в чем она заключалась — якобы он продал душу дьяволу, и его состояние было одним из плодов этой сделки!

Я захохотал во весь голос.

— Что за нелепая мысль! Бедняга! Должно быть, рассудок несколько подвел его, а может, он выражался фигурально?

— Я так не думаю, — полувопросительно ответил мистер Эллис, все еще смыкая и размыкая свои пальцы. — Я думаю, что наш клиент буквально имел в виду, что продал душу дьяволу, так, мистер Бентам?

— Я в этом положительно уверен, — со всей серьезностью заявил Бентам. — Он говорил о сделке, как о состоявшемся и непреложном факте.

Я снова засмеялся, хоть и не так оживленно.

— Что ж, время нынче такое, что людям в голову приходят самые нелепые мысли. Все эти учения Блаватской, Безант, наука о гипнозе — неудивительно, что кое-кто все еще верит в старые глупые сказки о существовании дьявола. Но для человека истинно разумного...

— Да, эээ... конечно, — перебил меня мистер Эллис. — Ваш родственник, мистер Темпест, *был* человеком весьма благоразумным, и эта... эээ... идея была единственным заблуждением, пустившим корни в его чрезвычайно практичном уме. Подобная мысль так и осталась бесплодной фантазией, но, полагаю, что нам стоило — и мистер Бентам согласится со мной — *стоило* упомянуть о ней.

— Таким образом, мы исполнили свои обязательства и облегчили душу, — сказал мистер Бентам.

Я улыбнулся, поблагодарил их и встал, собираясь уйти. Они вновь одновременно поклонились мне, почти что напоминая двух братьев-близнецов — настолько глубоко их общая юридическая практика отразилась на всем их облике.

— Доброго вам дня, мистер Темпест, — напутствовал меня мистер Бентам. — Вряд ли мне стоит напоминать вам о том, что мы готовы служить вам так же, как и нашему предыдущему клиенту, употребив на это все свои способности. И что вам может пригодиться наш совет в тех делах, что касаются угождения вам и умножения ваших доходов. Могу я узнать, требуются ли вам в настоящий момент какие-либо наличные деньги?

— Благодарю вас, но нет, — ответил я, мысленно благодаря Риманеза, давшего мне возможность быть независимым от поверенных. — Деньгами я вполне обеспечен.

Мне показалось, что они слегка удивились такому ответу, но здравомыслие не позволило им говорить об этом. Они записали мой адрес в «Гранд-Отеле» и велели клерку проводить меня. Я дал ему десять шиллингов с наказом выпить за мое здоровье, каковой он непременно обещался исполнить, и обошел вокруг Дома правосудия, пытаясь заверить себя, что не сплю, что в самом деле являюсь обладателем пяти миллионов. По воле случая, свернув за угол, я наткнулся на человека, шедшего в противоположную сторону, того самого издателя, что днем ранее вернул мне мою рукопись.

— Здравствуйте! — воскликнул он, немедленно остановившись.

— Здравствуйте, — откликнулся я.

— Куда направляетесь? Пытаетесь пристроить ваш злополучный роман? Мальчик мой, поверьте, что в его настоящем виде...

— С ним все в порядке, — спокойно отозвался я. — Я опубликую его на собственные деньги.

— Опубликуете сами? — встрепенулся он. — Боже правый! Да это будет вам стоить фунтов шестьдесят-семьдесят, а то и целую сотню!

— Пусть даже тысячу, мне все равно!

Его лицо побагровело; от изумления он выпучил глаза.

— Простите, но я... — запинаясь, пробормотал он, — я думал, что с деньгами у вас плоховато...

— Да, так и было, — сухо кивнул я. — Впрочем, теперь дела обстоят иначе.

И его растерянный вид, в совокупности с тем, что моя собственная жизнь перевернулась с ног на голову, так рассмешили меня, что я зашелся хохотом, громким и неистовым; очевидно, он почувствовал себя так неловко, что начал спешно озираться, словно в поисках путей к отступлению. Я схватил его за руку.

— Слушайте, любезный, — проговорил я, пытаюсь совладать со своим почти что истерическим приступом смеха, — я не сошел с ума, даже не допускайте подобной мысли. Просто я стал миллионером!

И я снова захохотал — такой нелепой казалась мне эта ситуация. Но distinguished издатель ничего не мог понять, и черты его лица были полны такой тревоги, что я повторно предпринял попытку подавить одолевавшее меня веселье; и мне это удалось.

— Даю вам слово чести — я не шучу, это факт. Вчера вечером я мечтал об ужине, и вы, как человек порядочный, предложили мне разделить его с вами — сегодня я стал обладателем пяти миллионов! Да что вы так на меня смотрите? Не ровен час, удар хватит! Как я уже вам сказал, я сам опубликую свой роман, за свой счет, и *его ждет успех*. О, я серьезен, я совершенно серьезен, серьезнее некуда! Денег в моем бумажнике достаточно, чтобы оплатить его публикацию *прямо сейчас*!

Я отпустил его, и он отшатнулся, смятенный и ошарашенный.

— Господи, помилуй меня грешного! — еле слышно пробормотал он. — Должно быть, я сплю! Я никогда в жизни ничему так не удивлялся!

— Я тоже! — сказал я, рискуя снова залиться смехом. — Но в жизни, как и в романах, порой случаются немыслимые вещи. А книга, отвергнутая строителями —

то есть читателями, станет краеугольным камнем, или гвоздем сезона. Сколько вы попросите за то, чтобы ее издать?

— Попрошу? Я? Издать ее?

— Да, вы, почему бы и нет? Я даю вам шанс честно заработать; или, может, ваша свора «редакторов» по найму способна вам помешать? Фи! Ведь вы не раб, у нас свободная страна. Знаю я этих редакторов! Худосочные, страшные старые девы за пятьдесят да заурядные книжные черви, страдающие несварением желудка, которым нечем заняться, кроме как марать многообещающую рукопись своим брюзжанием — так к чему же, во имя всего святого, полагаться на мнение столь некомпетентных людей? Я заплачу вам за публикацию моей книги, сколько попросите, и еще сверху за вашу доброжелательность. И я гарантирую вам еще кое-что — благодаря этой книге прославлюсь не только я, ее автор, но и вы, ее издатель. Я собираюсь заявить о ней по-крупному, связавшись с прессой. В этом мире за деньги можно сделать все...

— Стойте, погодите! — прервал он меня. — Все это так внезапно! Вы должны дать мне подумать — дать мне время все взвесить...

— Тогда даю вам день, чтобы вы все обдумали, — сказал я. — Не дольше. Если вы не согласитесь, я найду кого-то еще, и тогда куш сорвет он, а не вы. Не теряйте времени даром, друг мой! Доброго дня!

Он побежал вслед за мной.

— Пойдите, послушайте! Вы так странно ведете себя... так сумасбродно, так непредсказуемо! Кажется, все случившееся вскружило вам голову!

— Так и есть! Теперь она работает как надо!

— Ну и ну, подумать только, — и он доброжелательно улыбнулся. — В таком случае, почему бы вам не принять мои поздравления? — И он горячо пожал мою руку. — Что же касается книги, уверен, что дело было не в стиле или качестве написанного — просто она слишком...

слишком трудна для понимания, а потому вряд ли способна угодить вкусу читателей. Лучше всего сейчас окупаются книги о семейных неурядицах. Но я об этом подумаю — на какой адрес вам отправить письмо?

— В «Гранд-Отель», — ответил я, в душе потешаясь над тем, как он смутился и растерялся — я знал, что он уже подсчитывает прибыль, которую получит, если возьмется исполнить мой литературный каприз. — Приходите завтра на ланч или обед, если пожелаете — только сперва пошлите весточку. Помните, что на раздумья я дал вам всего один день — и буду ждать ответа не дольше суток!

С этими словами я покинул его; он смотрел мне вслед как человек, только что увидевший, как нечто неназываемое и чудесное свалилось с небес прямо к его ногам. Я пустился в путь, посмеиваясь, пока не увидел, как один или два человека посмотрели на меня с таким удивлением, что решил не давать воли мыслям, чтобы меня не приняли за помешанного. Шагал я энергично, и постепенно мое волнение утихло. Я вновь принял облик флегматичного англичанина, считающего, что любое проявление чувств есть верх невоспитанности, и остаток утра провел за приобретением готового платья, которое по необычайно счастливому стечению обстоятельств пришлось мне впору, а также сделав богатый, если не сказать расточительный заказ у модного портного на Сэквилл-стрит, пообещавшего исполнить все быстро и точно в срок. Вслед за тем я отправил обещанный арендный платеж хозяйке моей старой комнаты, прибавив пять фунтов сверху, так как помнил о терпении, с которым бедная женщина сносила мои отговорки, как и о том, с какой добротой она относилась ко мне в течение моего пребывания в этом жалком жилище — покончив с этим, я вернулся в «Гранд-Отель» в прекрасном настроении, под стать своему новому костюму. Меня встретил коридорный и со всей возможной учтивостью сообщил, что «его превосходительство князь» ждет меня

к ланчу в своих комнатах. Я сию же минуту проследовал туда, обнаружив своего друга одного в пышной гостиной; он стоял на свету, у самого большого окна, держа в руках продолговатый хрустальный ларец, сквозь который смотрел внимательно, почти любовно.

— А, Джеффри! Вот и вы! — воскликнул он. — Я заключил, что с делами вы управитесь до ланча, и потому ждал вас.

— Вы очень любезны! — ответил я, довольный тем, как он по-дружески назвал меня моим христианским именем. — Что это там у вас?

— Мой питомец, — ответил он с легкой улыбкой. — Видели вы когда-нибудь нечто подобное?

VI

Приблизившись, я изучил ларец, который он держал в руках. В его стенках искусно были проделаны отверстия для доступа воздуха, а внутри покоилось блестящее крылатое насекомое, переливавшееся всеми цветами и оттенками радуги.

— Оно живое? — спросил я.

— Не только живое, но и обладает незаурядным интеллектом, — ответил Риманез. — Я кормлю его, и оно меня знает — все то же можно сказать и о любом из цивилизованных существ; они запоминают руку дающего. Оно, как видите, совсем ручное и очень дружелюбное, — и, открыв ларец, он осторожно вытянул указательный палец. Тело сверкающего жука приобрело опаловый оттенок, лучезарные крылья расправились, и он заполз на руку хозяина и устроился там. Тот поднял руку над головой, слегка встряхнул ей и воскликнул:

— Вперед, сильфида! Лети и возвращайся!

Существо резко взлетело вверх и принялось описывать круги под самым потолком, оно было похоже на

прекрасный блистающий драгоценный камень, и крылья его слабо жужжали в полете. Я с восхищением наблюдал за его изящными движениями, пока оно не перестало летать вперед-назад, снова усевшись на протянутую руку хозяина, и больше не делая попыток подняться в воздух.

— Одна избитая пошлость гласит: «Когда мы живы, смерть кругом», — тихо произнес князь, направив взгляд бездонных черных глаз на трепещущие крылья насекомого. — Но фактически эта сентенция ложна, как и большинство банальных людских изречений. Звучать оно должно так: «Когда мы мертвы, кругом жизнь». Это создание есть плод смерти, редкий и удивительный, и, как я полагаю, не единственный в своем роде. При точно таких же обстоятельствах находили и других подобных ему. История того, как я завладел им, довольно любопытна — но, может быть, вам покажется скучной?

— Вовсе нет, — живо возразил ему я, не сводя глаз с радужного, похожего на ночницу существа, сверкавшего на свету, будто все его жилки фосфоресцировали.

Он немного помолчал, наблюдая за мной.

— Что ж, было все так — я присутствовал при вскрытии гробницы, где лежала мумия египтянки; ее талисманы говорили о том, что это принцесса, принадлежавшая к знаменитой династии. На шее мумии красовались искусно оправленные драгоценные камни, а на груди лежала золотая пластина с гравировкой; толщина ее составляла целый дюйм. Тело мумии было обернуто бесчисленными благовонными бинтами; когда убрали пластину и сняли бинты, обнаружили, что мумифицированная плоть меж ее грудей разложилась, и в образовавшейся впадине или гнезде было найдено живое насекомое, блиставшее так же ярко, как и сейчас — то самое, что я держу в руках.

Я попытался подавить нервную дрожь, охватившую меня, но не сумел.

— Это ужасно! Должен признаться, будь я на вашем месте, я бы не стал забирать себе столь жуткое существо. Я бы убил его на месте.

Князь по-прежнему пристально смотрел на меня.

— Почему? Боюсь, мой дорогой Джеффри, что способностей к наукам у вас нет. Убить несчастное создание, зародившееся в мертвой груди, довольно жестоко, разве нет? Я считаю это неклассифицированное насекомое ценным доказательством (хотя мне и не требуется никаких доказательств) того, что ядро сознательной жизни неразруσιμο; у него есть глаза, оно способно ощущать вкусы, запахи, касания, способно слышать — и эти чувства, наряду с разумом, оно обрело среди мертвой плоти той женщины, что когда-то жила, и без сомнения любила, грешила и страдала — более четырех тысяч лет назад!

Вдруг он умолк, но затем вновь заговорил:

— Тем не менее я честно признаюсь вам, что считаю это создание порождением зла. Да, в самом деле! Но от этого оно привлекает меня ничуть не меньше. Собственно, насчет него у меня есть одно фантастическое предположение. Я весьма склонен поддерживать идею о переселении душ и порою тешу себя мыслью о том, что, быть может, принцесса из знатного египетского рода обладала душой порочной, блистательной обольстительницы — *и вот она перед нами!*

Холод и дрожь сковали все мое тело с головы до пят, едва отзвучали эти слова, и, глядя на произнесшего их князя, стоявшего напротив в лучах зимнего солнца, черноволосого, высокого, с «душой порочной, блистательной обольстительницы», что жалась к его руке, мне вдруг почудилось, что в его прекрасном облике сквозит невероятная мерзость. Тень ужаса коснулась меня, но я отнес случившееся на счет гнусных подробностей этой истории и, твердо намереваясь преодолеть отвращение, решил изучить странное насекомое, подойдя ближе. Ед-

ва я сделал это, его глаза-бусины мстительно блеснули, и я отпрянул, досадуя на глупые страхи, одолевавшие меня.

— Определенно, оно невероятно, — пробормотал я. — Неудивительно, что вы так цените эту диковину. Весьма примечательны его глаза, похожие на глаза существа, наделенного разумом.

— Без сомнений, ее глаза прекрасны, — улыбаясь, проговорил Риманез.

— Ее? О ком вы говорите?

— Конечно же о принцессе! — ответил он с легким удивлением. — О милой мертвой даме — часть ее души, должно быть, присутствует в этом создании, так как питаться оно могло лишь ее телом.

И он с превеликой осторожностью поместил существо в его хрустальное обиталище.

— Полагаю, — медленно проговорил я, — вы, как человек, увлеченный наукой, сделаете из этого вывод, что ничего не умирает полностью?

— Именно! — с нажимом ответил Риманез. — Таковы, мой дорогой Темпест, проделки — или божественность — всего сущего. Ничто не может быть уничтожено полностью, даже мысль.

Я в молчании наблюдал за тем, как он убирал хрустальный ларец с его таинственным обитателем с глаз долой.

— А теперь время ланча, — воскликнул он, взяв меня под руку. — Выглядите вы, Джеффри, на двадцать процентов лучше, чем когда мы расстались утром, из чего я заключаю, что ваш визит к поверенным удался. Так чем еще вы занимались?

Расположившись за столом, где мне прислуживал темнолицый Амиэль, я пересказал события сегодняшнего утра, обстоятельно задержавшись на случайной встрече с издателем, днем ранее отвергнувшим мою рукопись; теперь же я был уверен в том, что он будет очень рад за-

ключить со мною сделку. Риманез внимательно слушал меня, иногда улыбаясь.

— Ну конечно! — сказал он, когда я закончил рассказ. — В поведении этого достопочтенного господина нет ничего удивительного. На самом деле я думаю, что он проявил незаурядную осмотрительность и вежливость, не сразу согласившись на ваше предложение — его благоугодное притворство и просьба дать ему поразмыслить свидетельствуют о том, что это человек тактичный и дальновидный. Вы когда-нибудь думали о том, что существует человек настолько совестливый, что его нельзя купить? Мой добрый друг, купить можно и короля, и дело лишь в цене; сам папа уступит вам заранее заказанное местечко на своих небесах, если на земле его осыпать деньгами! В этом мире ничто не дается бесплатно, за исключением воздуха и солнечного света — за все остальное приходится платить кровью, слезами, иногда стоном; но чаще всего деньгами.

Мне показалось, что стоявший за стулом хозяина Амизель мрачно улыбнулся при этих словах, и инстинктивная неприязнь к нему заставляла меня умалчивать о большинстве подробностей моих дел, пока наш ланч не подошел к концу. Я не мог привести ни одной существенной причины, по которой верный княжеский слуга вызывал у меня отвращение, но никак не мог от него избавиться, и оно возрастало каждый раз, как я видел его мрачное и, как мне казалось, глумливое лицо. Да, он был крайне обходителен и почтителен, и поведение его было безупречно, и все же, когда он наконец подал кофе, коньяк и сигары и бесшумно удалился, я вздохнул с огромным облегчением. Едва мы остались одни, Риманез, уютно устроившись в кресле, закурил сигару и смотрел на меня с интересом и добротой, делавшими его и без того красивое лицо еще более привлекательным.

— Давайте поговорим вот о чем, — сказал он. — Полагаю, что в настоящее время друга лучше, чем я, у вас

нет, а мир я знаю куда лучше вашего. Как вы собираетесь жить дальше? Иными словами, как вы намерены распорядиться своим состоянием?

Я усмехнулся.

— Ну, на постройку церквей или благоустройство больниц я тратить не собираюсь. О бесплатной библиотеке тоже не может быть и речи, поскольку все эти заведения служат распространению инфекционных заболеваний, а управляются они комитетом местных бакалейщиков, возомнивших, будто они разбираются в литературе. Мой дорогой князь Риманез, я намереваюсь тратить деньги в собственное удовольствие, и смею сказать, что найду множество способов это сделать.

Риманез разогнал сигарный дым взмахом руки, и сквозь бледно-серую пелену сверкнули его необычайно яркие черные глаза.

— Ваши деньги способны сделать счастливыми сотни обездоленных, — заметил он.

— В первую очередь я думаю о своей счастливой доле, — беспечно откликнулся я. — Вероятно, вы сочтете меня эгоистом, так как я знаю, что вы филантроп; однако к последним я не принадлежу.

Он по-прежнему пристально смотрел на меня.

— Вы могли бы помочь своим собратьям по перу...

Я оборвал его решительным жестом.

— Друг мой, этому не бывать, даже если разверзнутся небеса! Мои собратья по перу при каждом удобном случае стремились втоптать меня в грязь, делая все возможное, чтобы я прозябал в нищете, и теперь настал мой черед: как и мне, им не видать ни милосердия, ни помощи, ни жалости!

— Как сладко отмщение! — напыщенно произнес он. — Могу посоветовать вам открыть высококлассный журнал ценой в полкроны.

— Зачем?

— И вы еще спрашиваете? Только подумайте о том удовольствии, что ждет вас, когда вы будете беспощадно отвергать рукописи ваших врагов! Швырять их письма в корзину для бумаги, отсылать обратно их стихи, рассказы, политические статьи, да что угодно — с пометкой: *«Возвращаю с благодарностью»* или *«Это не соответствует нашим стандартам»* на обороте! Язвить соперника клинком анонимной критики! Радость воющего дикаря с двумя десятками скальпов на поясе ничто в сравнении с этим! Мне доводилось быть издателем, и мне знакомо это чувство!

Меня рассмешила столь необычная откровенность.

— Думаю, что вы правы, за месть я могу взяться с усердием! Но руководство журналом принесет мне слишком много проблем и свяжет по рукам и ногам.

— Так *не* руководите им! Следуйте примеру всех крупных издателей, оставьте дела, как они, и получайте прибыль! Главного редактора ведущего ежедневника днем с огнем не сыщешь — можно лишь пообщаться с его заместителем. Сам же искомый, согласно времени года, в Аскоте, в Шотландии, в Ньюмаркете или зимует в Египте — он должен отвечать за все в своем издании, но обыкновенно совершенно в нем не разбирается. Он опирается на своих «подчиненных» — иногда этот костыль весьма дурного сорта, и когда у «подчиненных» затруднения, они выходят из положения, говоря, что не могут решить вопрос в отсутствие главного редактора. Тем временем последний где-то далеко, и в ус не дует. Дурачить публику подобным образом можно сколь угодно долго.

— Можно, но я бы не смог. Я бы не стал бросать дела. Я считаю, что следует все делать усердно.

— Как и я! — живо подхватил Риманез. — Я сам невероятно педантичен, и все, что может рука моя делать, по силам делаю — простите мне цитату из Писания! — Он улыбнулся, как мне показалось, с иронией, затем про-

должил: — Так в чем же состоит ваша идея наслаждения наследством?

— В том, чтобы опубликовать мою книгу. Ту самую, которую никто не принимал — а я вам скажу, что добьюсь того, что о ней заговорит весь Лондон!

— Может, и добьетесь, — сказал он, глядя на меня из-под полуприкрытых век сквозь клубы дыма. — Слухи в Лондоне расходятся быстро. Особенно о вещах пошлых и сомнительного содержания. Следовательно, как я уже вам намекал, если книга ваша представляла бы собой рациональное смешение Золя, Гюисманса и Бодлера или имела бы героиней скромную девицу, считавшую, что честный брак есть деградация, то в эти дни Содомы и Гоморры снискала бы успех.

Вдруг он вскочил, отшвырнув сигару, и приблизился ко мне.

— Почему же на этот город не прольется огонь небесный? Он вполне созрел для кары — он полон мерзких тварей, что не заслуживают мук ада, куда, как говорят, ссылают лжецов и фарисеев! Темпест, среди людей, которых я презираю более всех прочих, есть человек, так часто встречающийся в наши дни — тот, кто скрывает свои отвратительные пороки под маской широты души и добродетели. Подобный человек способен даже обожествить женщину, утратившую непорочность, назвав ее «чистой», поскольку, разрушая ее нравственную и телесную чистоту, потакает собственной животной похоти. Уж лучше я открыто объявлю себя злодеем, чем буду ханжой и трусом.

— Потому что вы — человек благородный, — сказал ему я. — Вы исключение из правил.

— Я? Исключение? — Ответом мне был его горький смех. — Да, вы правы, среди людей — быть может, но искренность моя сродни звериной! Льву нет нужды притворяться горлицей — он громогласно демонстрирует свою свирепость. Кобра, что движется беззвучно, преду-

преждает о своих намерениях шипением и раздувает клубук. Вой голодного волка далеко разносит ветер, и торпливый путник в снежной пустоши дрожит, объятый страхом. Но человек скрывает свой умысел — он опаснее льва, коварнее змеи, прожорливее волка; он жмет руку своему собрату, прикидываясь его другом, и спустя час клеветает на него за его спиной, пряча за улыбкой лживое, корыстное сердце — жалкий пигмей, пытающийся постичь загадки вселенной, он насмехается над богом, даже стоя на краю могилы на своих неверных ногах... боже! — И он осекся, решительно взмахнув рукой. — Что вечному бытию делать с этим неблагодарным, слепым червем?

Голос его звенел от напряжения, глаза горели страстью; и я, пораженный столь пылким проявлением чувств, смотрел на него с безмолвным изумлением, не замечая, что моя сигара погасла. Каким вдохновенным был он в этот миг! каким величественным! сколько царственного достоинства было в нем, почти что подобном богу — и все же нечто ужасающее сквозило в его мятежном облике. Но стоило ему заметить, как я смотрю на него, и страсть на его лице померкла; он усмехнулся и пожал плечами.

— Видимо, я был рожден, чтобы стать актером, — весело заметил он. — Иногда меня одолевает страсть к декламации. И тогда, подобно премьер-министрам и лордам в парламенте, я произношу какую-нибудь речь на злобу дня, хоть сам и не верю ни единому слову!

— За верность этого утверждения поручиться я не могу, — сказал я с легкой улыбкой. — Вы определенно верите в то, о чем говорите, хотя мне кажется, что вы подвержены минутным порывам.

— Вы в самом деле так считаете? — воскликнул он. — Как вы проникательны, любезный Джеффри Темпест, как проникательны! И неправы. Еще не рождалось на свете того, кто был бы столь порывистым и столь же це-

леустремленным, как я. Можете верить мне, или не верить — веру нельзя навязать. Если бы я сказал вам, что дружба со мной опасна, что мне по нраву все дурное, а не добродетельное, и что советы мои неблагонадежны — что бы вы ответили на это?

— Сказал бы, что вы странным образом недооцениваете самого себя, — ответил я, вновь раскурив сигару и несколько удивляясь его серьезности. — И что моя приязнь к вам не уменьшилась бы, а напротив, возросла — хотя куда уж больше.

При этих словах он уселся и пристально уставился на меня своими черными глазами.

— Вы, Темпест, напоминаете мне столичных красавиц — тем всегда нравятся отъявленные негодяи!

— Но ведь вы не негодяй, — возразил я, безмятежно попыхивая сигарой.

— Да, это так, но дьявольского во мне немало.

— Что ж, тем лучше! — сказал я, лениво потягиваясь в удобном кресле. — Надеюсь, что и во мне есть что-то от него.

— А вы в него верите? — с улыбкой спросил Риманез.

— В дьявола? Конечно, нет.

— О, это личность весьма занятная и легендарная, — продолжал князь, взяв новую сигару и медленно затягиваясь. — О нем ходит немало забавных историй. Представьте его падение с неба! «Люцифер, Сын Зари» — каков титул, каково первородство! Быть порождением Зари означает быть созданием из ослепительного, чистейшего света, чей яркий дух лучится миллионом рдеющих солнц, в чьих глазах сияет свет всех сверкающих планет. Блистательный, лучезарный, этот исполненный величия архангел стоял одесную самого Бога, и его неутомленному взору являлись величайшие воплощения божественного замысла и божественной мечты. Вдруг среди зарождающейся вселенной ему явился крохотный новый мир, и в нем существо, подобное ангелам, наде-

ленное как силой, так и слабостью, как благородством, так и глупостью — необъяснимый парадокс, что должен был пройти сквозь все фазы жизни, чтобы, впитав дыхание и душу Создателя, коснуться духовного бессмертия, познать вечную радость. Тогда Люцифер, преисполнившись гневом, обернулся против владыки сфер и дерзновенно бросил ему вызов, вскричав: «Неужто ты создашь из твари слабой и жалкой ангела, подобного мне? Я восстаю против тебя и отрекаюсь от тебя! Се¹, если сотворишь человека по нашему подобию, я уничтожу его, как недостойного делить со мной величие твоей мудрости и сияние твоей любви! И Божий Глас, прекрасный и ужасающий, отвечал: «Люцифер, Сын Зари, ты доподлинно знаешь, что перед ликом Моим ни единое слово не может быть сказано впустую и напрасно. Бессмертным дарована свобода воли, а посему поступай согласно слову своему! Да низвергнешься ты, гордый дух, с высокого престола — и ты, и товарищи твои! и не вернешься, пока сам человек не искупит твой грех! Каждая душа человеческая, что поддастся искушению твоему, станет новой преградой меж тобой и небесами; каждый из тех, что по воле своей отринет тебя и поборет, вознесет тебя выше к утраченному дому! Когда же тебя отвергнет весь мир, Я прощу тебя и приму назад — *и только тогда*».

— Мне еще не доводилось слышать подобную версию этой легенды, — сказал я. — Идея искупления дьявольского греха человеком — это что-то новое.

— Вот как? — Он по-прежнему внимательно наблюдал за мной. — Что ж, это один из вариантов случившегося, и притом не лишенный поэтичности. Бедный Люцифер! Разумеется, его изгнание будет длиться вечно, и расстояние меж ним и небесами расти каждый день — ведь человек никогда не поможет ему исправить

¹ Се — устар., книжн., церк., поэт. То же, что *вот*.

свою ошибку. Человек быстро и с радостью отречется от Бога — но от дьявола никогда. Так что судите сами, как в сложившихся удивительных и роковых обстоятельствах этот «Люцифер, Сын Зари», Сатана или как его там еще называют, должен ненавидеть человечество!

— Что ж, и для него есть одно средство, — заметил я с улыбкой. — Ему не следует никого искушать.

— Вы забываете, что, согласно легенде, он обязан сдержать слово, — возразил Риманез. — Он поклялся перед Богом, что изведет человечество под корень — таким образом он должен исполнить клятву, если сумеет. Видимо, ангелы не могут давать клятву перед лицом Предвечного, не пытаясь ее исполнить — тогда как люди каждый день поминают имя Господа всуе, не имея ни малейшего намерения выполнять свои обещания.

— Все это несусветная чушь, — сказал я несколько нетерпеливо. — Все эти старинные легенды просто вздор. Вы хороший рассказчик, и говорили так, будто сами верили в сказанное, но лишь потому, что наделены даром красноречия. Сегодня никто не верит ни в дьявола, ни в ангелов — я, к примеру, не верю даже в существование души.

— Знаю, что не верите, — вкрадчиво подтвердил он. — И скептицизм ваш весьма удобен, так как освобождает вас от всяческой личной ответственности. Я вам завидую! Так как — стыдно сказать, но я склонен верить в наличие души.

— Склонен! — эхом откликнулся я. — Это абсурд — никто не в силах заставить вас склониться к какой-то там теории.

Он взглянул на меня с мимолетной улыбкой, но лицо его не стало светлее, а скорее омрачилось.

— Правда! Истинная правда. Подобной силы нет во всей вселенной — человек существо независимое, венец творения, повелевает всеми обозримыми пределами, господствуя над всем, чего пожелает. Это правда — я за-

был об этом! Пожалуйста, давайте не будем вдаваться ни в вопросы теологии, ни в психологию — лучше поговорим о единственном разумном и интересном предмете, а именно о деньгах. Как я понял, у вас вполне определенные планы — вы хотите опубликовать книгу, которая вызовет ажиотаж и сделает вас знаменитым. По мне, так это весьма скромное предприятие! Разве ваши амбиции столь малы? Знаете ли, есть несколько способов сделать так, чтобы о вас заговорили. Стоит ли мне их перечислять?

— Если угодно! — усмехнулся я.

— Итак, во-первых, я предлагаю вам создать должный образ в прессе. Газетчики должны узнать, что вы человек необычайно богатый. Существует агентство по распространению подобных статей — думаю, с этим они неплохо справятся гиней за десять-двадцать.

Услышанное слегка удивило меня.

— Так вот как все это делается?

— Мой дорогой друг, а как еще, по-вашему, это должно делаться? — спросил он несколько нетерпеливо. — Неужели вы считаете, что в этом мире есть *хоть что-нибудь* бесплатное? Или журналисты, все эти бедные трудяги — ваши братья или закадычные друзья, и обязаны представить вас публике, не получив за это ни гроша? Если как следует их не умаслить, они готовы забесплатно и от всего сердца вас как следует охать — уж будьте покойны! Я знаком с одним литературным агентом, весьма достойным человеком, что за сотню гиней так раскрутит маховик прессы, что за несколько недель весь свет только и будет говорить об одном лишь Джеффри Темпесте, миллионере и человеке, пожалть руку которого все равно что встретиться с самой королевой.

— Надо бы с ним договориться! — вяло проговорил я. — Дать ему *две* сотни! И пусть обо мне услышит весь мир!

— Когда же в прессе сложится ваш конкретный образ, — продолжал Риманез, — следующий шаг состоит в том, чтобы стать частью так называемого «высшего общества».

Это необходимо делать осторожно и постепенно. Вам следует присутствовать на первом приеме при дворе; впоследствии я раздобуду для вас приглашение на ужин в дом какой-нибудь знатной дамы, где вы в частном порядке встретитесь с принцем Уэльским. Если вы сумеете каким-либо способом выслужиться перед его королевским высочеством или понравитесь ему, тем лучше для вас — по крайней мере, среди особ королевской крови он персона наиболее популярная, и вам нетрудно будет ему угодить. Затем вам следует приобрести усадьбу и позаботиться, чтобы *и об этом* написали в газетах — вот тогда можно будет передохнуть и осмотреться, так как общество вознесет вас высоко, и вы будете плыть по течению.

Меня немало позабавила его складная речь, и я от души рассмеялся.

— Не стану предлагать вам пытаться пробиться в парламент. Для джентльмена, желающего сделать карьеру, в этом больше нет необходимости. Но я настоятельно рекомендую вам выиграть на скачках.

— Ну еще бы! — удовлетворенно откликнулся я. Предложение превосходное, только последовать ему будет непросто!

— Если вы хотите выиграть эпсомские скачки, — тихо возразил он, — вы их *выиграете*. Лошадь и жокея я вам обеспечу.

Было в его решительном тоне нечто такое, что заставило меня насторожиться и внимательнее взглянуть в его лицо.

— Вам по силам творить чудеса? — насмешливо спросил я его. — Или вы говорите всерьез?

— Проверим? — ответил он. — Выставить для вас лошадь?

— Если еще не слишком поздно, и если вам так угодно, — ответил я, — я поручаю это дело вам. Но должен сказать вам откровенно, что скачки мало меня интересуют.

— В таком случае вам потребуется переменить свои вкусы, — сказал он. — Конечно, если вы хотите произвести приятное впечатление на английскую аристократию, поскольку их мало интересует что-либо, кроме скачек. У любой знатной дамы всегда под рукой книга для записей пари, даже если она малограмотна. В литературной среде вы можете произвести настоящий фурор, но это ничего не будет значить для высшего общества, тогда как если вы выиграете на скачках, вы станете действительно знаменитым. Говорю вам как тот, кто немало знает о скачках — в сущности, я ими увлечен. Я не пропускаю ни одного крупного дерби, я каждый раз делаю ставки и всегда выигрываю! Теперь позвольте наметить дальнейший план ваших действий. После того, как вы выиграете в Эпсоме, вы примете участие в гонках парусных яхт в Коузе и позволите принцу Уэльскому победить с небольшим отрывом. По такому случаю вы зададите торжественный ужин, воспользовавшись услугами непревзойденного шеф-повара, развлекая его королевское высочество под звуки «Правь, Британия, морями», что ему весьма польстит. Также вы упомянете эту же затасканную песню в своей благодарственной речи; возможно, в результате вы получите одно или даже два приглашения от царственной особы. Вполне приемлемо. С наступлением летней жары вы отправитесь в Хомбург, независимо от того, любите ли вы пить минеральную воду или нет, а осенью устройте охоту в приобретенном поместье, о котором я уже упоминал, и пригласите принца принять участие в убийстве бедных маленьких куропаток. Тогда можно считать, что вы сделали себе имя в высшем обществе, и выбрать себе в жены любую из красавиц, доступных на рынке невест!

— Спасибо, покорнейше благодарю! — сказал я, веселясь от всей души. — Клянусь, Лучо, ваш план идеален! В нем продумана каждая мелочь!

— Таков общепринятый цикл общественного успеха, — с завидной важностью проговорил Лучо. — Интеллекту и оригинальности в нем нет места — чтобы всего достичь, требуются только деньги.

— Вы забываете о моей книге, — заметил я. — Я знаю, что в ней достаточно как интеллектуального, так и оригинального. Так что она определенно способна подтолкнуть меня к высотам моды и света.

— Сомневаюсь! — откликнулся он. — Весьма в этом сомневаюсь. К ней, конечно, отнесутся с некоторой долей благосклонности, как к плоду умственной забавы человека богатого и его чудачеству. Но как я уже говорил вам прежде, гений редко цветет среди богатства. И потом, модная публика неспособна выкинуть из своих одурманенных мозгов идею о том, что вся литература сводится к дешевым книжонкам с Граб-стрит. О великих поэтах, философах и романистах модная публика упоминает вскользь, как о «всех этих людях». Эти дурни голубых кровей осуждающе говорят, что «все эти люди» такие «занятные», будто извиняясь за то, что водят знакомство с кем-то из литераторов. Представьте модницу елизаветинских времен, спрашивающую у подруги: «Дорогая, не будешь ли ты против, если я приглашу к тебе мастера Уильяма Шекспира? Он пишет пьесы и что-то там ставит в театре «Глобус» — знаешь, боюсь даже, что ему приходится там *играть*, с деньгами у бедняги не очень, но *все эти люди* такие занятные!» Вы, мой дорогой Темпест, конечно же, не Шекспир, но с вашими миллионами шансов у вас куда больше, чем он имел за всю свою жизнь, так как вам не придется ни просить кого-то о покровительстве, ни разучивать реверансы, чтобы кланяться всяким «лордам» и «леди» — все эти благородные особы будут только рады, если вы дадите им взаймы.

— Не дам, — отрезал я.

— И братъ не станете?

— Не стану.

В его живых глазах сверкнуло одобрение.

— Очень рад, — сказал он, — что вы не собираетесь, как говорят лицемерные мошенники, «творить добро», соря деньгами. Вы мудрый человек. Тратьте их на себя — тем самым разными путями вы поможете остальным. Но я иду по другому пути. Я всегда спонсирую благотворительные фонды, мое имя на всех подписных листах, и я никогда не отказываю духовенству.

— Меня это удивляет, — заметил я, — особенно на фоне того, что от вас я слышал, будто вы не христианин.

— Да, это кажется странным, не так ли? — сказал он тоном, в котором звучало нечто похожее на оправдание и насмешку. — Но попробуйте взглянуть на это в ином свете. Священники делают все, что в их силах, для *уничтожения* религии — путем лицемерия, ханжества, сладострастия, всевозможного шарлатанства — и когда они просят у меня помощи в их благородном деле, я с радостью соглашаюсь — и совершенно бесплатно!

— Очевидно, подобные шутки доставляют вам удовольствие — усмехнулся я, бросив окуроч в камин. — Кроме того, вы склонны высмеивать собственные благодеяния. А это что такое?

Вошел Амиэль, держа серебряный поднос, на котором лежала телеграмма на мое имя. Я открыл ее — и вот что писал мне мой друг-издатель:

«Приму книгу с удовольствием. Немедленно пришли-те рукопись».

Почти торжествуя, я показал телеграмму Риманезу. Тот улыбнулся.

— Ну конечно! А вы ожидали иного ответа? Правда, ему стоило использовать иные выражения, так как я не думаю, что он бы принял книгу с удовольствием, если бы вынужден был издавать ее за счет собственных средств.